

ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ВЪ ОБЛАСТИ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

А. СОВОЛЕВСКАГО.

Отдѣльный оттискъ изъ „Р. Ф. Вѣстника“ 1881 г.

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Нолковскаго
Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).
—
1881.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 1 Декабря 1881 г.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

I.

Родительный падежъ единственнаго числа, именительный и винительный множественнаго числа на ѣ.

Въ памятникахъ древне-русской письменности мы очень часто находимъ родительный п. ед. ч., именительный и винительный пад. множств. ч. съ окончаніемъ *ль* или *е*. Родительный пад. ед. ч. на *ль*, *е* встрѣчается преимущественно отъ именъ, имѣющихъ основу на *а* съ предшествующимъ *ј* или мягкою согласною, или, какъ мы будемъ впереди выражаться, имѣющихъ основу на *ја*, и отъ всѣхъ мѣстоименій женскаго рода; именительный пад. множ. ч., преимущественно отъ именъ и мѣстоименій съ основою на *ја* и винительный п. множ. ч. преимущественно отъ именъ и мѣстоименій, имѣющихъ основу на *ја* и *ја*. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

XI вѣкъ.

Остромирово Евангеліе: родит. п. ед. ч.: въ вѣторникъ *ѣ недѣль*, въ срьду *гѣ недѣль*, въ пятъкъ *гѣ недѣль*, въ сѣботѣ *гѣ недѣль*, вѣтъкъ *вѣкъя не^{ль}* ¹⁾;

Изборникъ Святославовъ 1073 года: родит. п. ед. ч.: нозѣ *ель*, имен. п. мн. ч.: лѣтажѣтъ *пѣтиць*; виш. п. мн. ч.: *вьсь* хотѣ помыслы разумѣти ²⁾.

¹⁾ Остромирово Евангеліе, изд. Востокова, 12 об., 19 об., 21, 21 об., 153 об.

²⁾ Изборникъ Святославовъ, изд. Общества древней письменности, 169, 129 об., 17 об.

Изборникъ Святославовъ 1076 года: родит. п. ед. ч.:
мьщю *ієѣ*; вин. п. мн. ч.: *въдовиць* заштиштаита ¹⁾;

Архангельское Евангеліе 1092 года: имен. п. мн. ч.:
жены пришѣдъшая, *зрлите...*; вин. п. мн. ч. *ключь* ²⁾;

Слова Григорія Богослова: пменит. п. мн. ч.: равъны
надежде ³⁾.

Изъ этихъ памятниковъ — Острмр. Евангеліе писано
въ Новгородѣ, Изборники — въ Кіевѣ; гдѣ писаны Архан-
гельское Евангеліе и Слова Григорія Богослова, съ точно-
стію нельзя опредѣлить, но первое, судя по слову *весь-*
дль ⁴⁾ (съ *л*, какъ къ великорусскомъ нарѣчій, а не съ *е*,
какъ въ малорусскомъ) и по замѣнѣ *л* черезъ *и*: *удобіє*,
(=удобіѹ), двѣ *ризи* ⁵⁾, писано въ новгородской области;
последнія писаны тамъ же, если можно судить по позд-
нѣйшей припискѣ.

ХІІ вѣкъ.

Мстиславово Евангеліе до 1117 года: род. п. ед. ч.:
стѣя мѣнцѣ *Евѣиміѣ*, прѣбныя Пелагія цнѣгда *блудъницѣ*,
стѣя мѣцѣ *Анастасіѣ*, сѣченіе стѣя *Софійѣ*, стѣя *Киликіѣ*,
стѣго пррка *Захаріѣ*, стѣя мца *Евдокіѣ*, стѣя *Ѳеодосіѣ*
двцѣ ⁶⁾.

Грамота кн. Мстислава Юрьевича Новгородскому Юрье-
ву монастырю 1130 года: вин. п. мн. ч.: молитѣ Ба за мя
и за *моѣ* дѣти ⁷⁾.

Галицкое Евангеліе 1144 года: род. п. ед. ч.: Домъны,

¹⁾ Буслаевъ, Историческая хрестоматія, 296, 294.

²⁾ Дювернуа, Журналъ Мин. Народн. Просв. 1878 г., X.
187, 186.

³⁾ Будиловичъ, Изслѣдованіе о языкѣ XIII словъ Гри-
горія Богослова, 25.

⁴⁾ Амфилохій, Описаніе Евангелія 1092 г. 30.

⁵⁾ Журн. Мин. Нар. П. ib. 186.

⁶⁾ Извѣстія Акад. Наукъ X, 113, 115, 117, 118, 119, 125,
126, 128.

⁷⁾ Ibid. 498.

Хотимьль, Савы, Ильль, Григорья, Натальль, вин. п. мн. ч. ключь 1).

Стихирарь 1157 года: вин. п. мн. ч.: *вѣрныя князь нашль възвесели* 2).

Добрилово Евангеліе до 1164 года: имен. пад. мн. ч.: *птиць нбсныя позобаша* 3);

Грамота новгородскаго князя Ярослава Владиміровича 1189—1199 г.: род. п. ед. ч.: *чюжее жепы; вин. п. мн. ч. ѣ гривны старыя* 4).

Торжественникъ Московскаго Успенскаго собора:

1) Житіе Θεодосія печерскаго: род. пад. ед. ч. *сѣян влдиць наша Бцль, ни единая неделль, отъ келіь, отъ братіь* 5); вин. п. мн. ч.: *постави келіь многы; обиходити ему келіь мниховы вьсь, на прьвыя грѣхы, привезоша ѣ возы пълны суще кърчагъ, принесоша ему хльбьць, повелѣ вьсыпати ѣ (укружы), съ трое или съ четверы пригърць, свльць горуць имяхуть* 6);

2) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ: род. пад. един. ч. отъ *бмаринь, смърти тоє нагубьное, уности моеь, отъ земль, създавъ еь (церковь), на мѣстѣ ветъхоль деревяноь (церкви)* 7); имен. п. мн. ч. *немилостивія крѣвопийць*; винит. п. мн. ч. *предавъ воь, воь държа, видѣша свѣтъ п свльць, блгословяще князь, за нашль грѣхы* 8);

3) Сказаніе о св. Агапіи: родит. п. ед. ч. отъ *земль, отъ бурь*; им. п. мн. ч. *сѣдѣху пѣтиць, душиь суть чѣв-*

1) Буслаевъ, Матеріалы для исторіи письменъ, 11, 12.

2) Извѣстія, *ibid.* 516.

3) *Ibid* 509.

4) Русско-Ливонскіе Акты, 2.

5) Чтенія, 1879 г., I, 1, 12 об., 14, 18 об., 27, 34, 35, 40 об.

6) *Ibid.* 12, 13 об., 14, 26 об., 27, 29 об., 30 об.

7) Чтенія 1870 г., I, 1, 2 об., 5 об., 10, 12 об., 13 об.

8) *Ibid.* 5; 1 об., 3 об., 7, 11, 13.

чьскыя, вин. п. мн. ч. цѣловавѣ ѿ (монаховѣ), вижу пѣтиць перьнаты, глядаи стѣжиць малы ¹⁾;

Златоструй Императорской Публичной Библиотеки: род. п. ед. ч.: кыихъ грѣхъ простыне просити хоцещи, из иное вьси, отступи отъ земля, единая дѣль, не положи ель, капля единое, напѣлнятся гумна пшенице, дѣль своя, отъ дше, отъ земля, отъ пустынь, бес пользь, корени ее, у куце, отъ своя воле; им. п. мн. ч. кѣде рабыне почиваютъ; вин. п. мн. ч. за свое дѣти ²⁾;

Сборникъ поученій: родит. п. ед. ч. отъ цркви бжилъ, им. п. мн. ч. чашь срѣбрьны, винит. п. мн. ч. повалушь испьсавъ, разлучиша мужь отъ женъ, роняху крупиць ³⁾;

Торжественникъ Императорской Публичной Библиотеки родит. п. ед. ч. ис тьмницъ: винит. п. мн. ч. изведи три муже ⁴⁾;

Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца: род. п. ед. ч. ис келіе, келіе своее, уста ее, до земле, отъ другое, съвлеши толь самоъ сраиць ⁵⁾;

Патерикъ Синайскій: род. п. ед. ч. не имущо херото нѣль; вин. п. мн. ч. поймаше свое волы ⁶⁾;

Изъ этихъ памятниковъ — Мстиславово Евангеліе и объ грамоты писаны несомнѣнно въ Новгородѣ, тамъ же писаны Стихирарь и Патерикъ, какъ показываетъ взаимная смѣна *ц* и *ч*, а также вѣроятно, Златоструй, Сборникъ поученій и Пандекты; южной Руси несомнѣнно принадлежить только Галицкое Евангеліе; мѣсто написанія остальныхъ памятниковъ на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ нельзя опредѣлить.

¹⁾ Поповъ, Библиографическіе Матеріалы, I, 44, 45; 43, 45; 42, 43, 44.

²⁾ Малининъ, Изслѣдованіе златоструя по рукописи XII вѣка 267—268.

³⁾ Извѣстія, X; 561, 548, 550, 561, 563.

⁴⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малонзвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XXXII, 25.

⁵⁾ Ibid. LV, 220, 224, 230.

⁶⁾ Ibid. LXXXII, 63, 62.

ХІІІ вѣкъ.

Толковый Апостолъ 1220 года: род. п. ед. ч. *пищѣ*, развѣ *пищѣ* ти *одежѣ*, *нужѣ*, *вечерѣ*, *обыче*, до *пятьдесятиныце*, без *воли* бѣе, *земле*; имен. п. мн. ч. *тѣмнищѣ*, *блуднищѣ*, *еликъскыи* *любоднищѣ*, *чашѣ* бѣи заповѣди; вин. п. мн. ч. *творцѣ*, *учителѣ*, *князѣ*, *строителѣ*, *дѣлателе*, *е* (=н) ¹⁾;

Договоръ Смольнянъ съ Ригю послѣ 1230 года: род. п. ед. ч. безъ его *воле*, у *судѣ*, у *вольное* жены, до *нее* ис *которое* *земле*; винит. п. мн. ч. *будуть* *розбонници*,— *выдачи* *е*, *мнѣ* *е* (*гостей*) *пушати*, *про* *свое* *муже* и *про* *свое* *Смольняны* ²⁾;

Новгородская грамота 1257—1263 года: родит. п. ед. ч. что *ся* *учинило* *тѣже*, *иное* *грамоты* у *нас* *нѣтуть* ³⁾;

Грамота литовскаго князя Гердена 1264 года: род. п. ед. ч. отъ *тои* *земли* ⁴⁾;

Новгородская грамота 1265 года: род. п. ед. ч. отъ *лодѣ*, *суждальской* *земле*, не *рядити*; имен. п. мн. ч. *воло-*
сти *новгородскыи*; вин. п. мн. ч. *судѣ* не *слати* ⁵⁾;

Новгородская грамота 1270 года: род. п. ед. ч. отъ *посадника* *Павше*, отъ *лодѣ*; винит. п. мн. ч. *свое* *грамоты* *подавалъ* *еси*, *старыи* (*грамоты*) *оправливати*, *про* *купчи* *новгородскыи* ⁶⁾;

Новгородская Кормчая 1282 года: родит. п. ед. ч. из *нволи* *ѣ* *гривны* *продаже*, не *дати* *воле*, от *городне*, *зад-*
нищѣ не *имати* ⁷⁾, не *терпя* *нужныи* *работы*, *житиискии*

1) Воскресенскій, Древне-славянскій переводъ Апостола 56—57.

2) Извѣстія, X, 601, 602, 603; 600, 602, 603.

3) Русско-Лив. Акты, 9.

4) Ibid. 13.

5) Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ I, 1—2.

6) Ibid. 3—4.

7) Русскія Достопамятности, I, 32, 33, 45, 54.

печали не любя ¹⁾; имен. п. мн. ч. *чье купы, княже куны, робье дѣти*; винит. п. мн. ч. *по своѡ куны, крадеть свиные, будутъ дѣчери. .. — даяти часть на нль, ты тѣже все судять* ²⁾, *искусныль ризы, на онучиль, все дни* ³⁾;

Смоленская грамота 1284 года: род. п. ед. ч. при докончаньи грамоты *сее* ⁴⁾;

Поученія Ефрема Сирина до 1288 года: род. п. ед. ч. въ лѣто *семое тысяцль* ⁵⁾;

Псалтырь 1296 года: родит. п. ед. ч. *бѡлюбивые сее жены* ⁶⁾;

Патерикъ Скитскій 1296 года: род. п. ед. ч. *сѣвлещи толь самоль срацицль* ⁷⁾;

Грамота Рижанъ къ Витебскому князю Михаилу Константиновичу около 1300 года: родит. п. ед. ч. *отъ своіе братье, мы вашее братье не обидѣли, безъ винное вины, своего брата душе постерега, тебе было тое обиды постеречи, не отложишь всякое неправды*; винит. п. мн. ч. *есть миръ доконцанъ межи земле, дѣтныне свое пославъ, послали свое коне, тые коне обизрелъ, мы свое обиды не положимъ* ⁸⁾;

Галицкій списокъ Евангелія: род. п. ед. ч. не имѣша *зѣмль многы, стѡе Анастасье, мѣнцль, прѣрчьцль, Огафье, Евдокье*; им. п. мн. ч. *приидоша птицль нбсныа, жены ... бывше рано у гроба... глюще... видѣвшие* ⁹⁾;

Духовная новгородца Климента: вин. п. мн. ч. *жена моя пострижется въ чернице* ¹⁰⁾;

¹⁾ Калайдовичъ, Паматники російской словесности, XII вѣка, 103, 104.

²⁾ Рус. Достопамятности, I, 47, 54; 32, 37, 43, 52.

³⁾ Калайдовичъ, о. с. 102, 103, 109.

⁴⁾ Извѣстія, X, 629.

⁵⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, VI, 144. (Записки Ак. Н. XII, 2).

⁶⁾ Буслаевъ, Истор. Хрест., 84.

⁷⁾ Ibid. 413.

⁸⁾ Извѣстія, X, 634—636.

⁹⁾ Срезневскій, Свѣд. и зам., LXIX, 431, 434.

¹⁰⁾ Ibid. XXXV, 38—39.

Финляндскій Прологъ: родит. п. ед. ч. до *въкишь*, отъ *опитъмів*, отъ *тъмницю* ¹⁾);

Сборникъ Императорской Публичной Библиотеки: род. п. ед. ч. отъ *палъе*; имен. п. мн. ч. *овцъ*, *пьяницъ* клпчють ²⁾);

Изъ вышеназванныхъ памятниковъ значительная часть приходится на долю сѣверной Руси, именно: три грамоты, Кормчая, Духовная и Псалтырь принадлежатъ Новгороду, двѣ грамоты — Смоленску, Патерикъ — Суздалю; на долю южной Руси приходятся Поученія Ефрема Сирина и Галицкій списокъ Евангелія. Затѣмъ Рижская грамота писана новгородскимъ нарѣчiemъ, какъ показываетъ смѣна *ц* и *ч*, а сборникъ писанъ гдѣ нибудь въ сѣверной Руси, какъ показываетъ слово *здѣ*. Мѣсто написанія Апостола по имѣющимся у насъ даннымъ нельзя опредѣлить.

XIV вѣкъ.

Смоленская грамота 1300 года: родит. п. ед. ч. *толь любви* ³⁾);

Новгородская грамота 1305 — 1308 года: вин. п. мн. ч. *судѣ слати свое* ⁴⁾);

Новгородская грамота 1307 — 1308 года: вин. п. мн. ч. за *нѣмцъ* ⁵⁾);

Поликарпово Евангеліе 1307 года: род. п. ед. ч. отъ *смоковницю*; вин. п. мн. ч. въ *свинь* ⁶⁾);

Южно- и западно-русскіе акты:

1) 1350 года: род. п. ед. ч. безо *всако* хитрости, отъ Покрова Бѣ; вин. п. мн. ч. есмы дали *сво* печати.

2) 1359 года: род. п. ед. ч. купилъ дѣдицтво панъны

¹⁾ Ibid. XLI, 30.

²⁾ Лавровскій, Описаніе семи рукописей Имп. Публичн. Библиотеки, 18, 22.

³⁾ Русско-Лив. Акты, 23.

⁴⁾ Собраніе гос. грамотъ, I, 7.

⁵⁾ Ibid. 14.

⁶⁾ Буслаевъ, Историч. Хрестоматія, 104, 100.

Радивонъково дѣднину *ее* и вотнину отца *ее*, унукомъ *ее*, племени *еть*, староста *русско* земли;

3) 1366 года: родит. п. ед. ч. у брата его *Захарь*, старостою *русское* земли ¹⁾;

Грамота Олега Рязанскаго послѣ 1356 года: родит. п. ед. ч. мѣтвую *стое* Бци, монастырь *стое* Бци, изъ отчины изъ *свое* ²⁾; и др.

Изъ этихъ памятниковъ одни принадлежатъ Новгороду, другіе—Смоленску, третьи—Рязани, четвертые—южной Руси. Къ южно-русскимъ принадлежитъ и Поликарпово Евангеліе, какъ показываютъ слова *камень*, *вѣнь*, *рожь*—*нь* съ *ь*, а не съ *е* ³⁾.

Формы, подобныя вышеприведеннымъ, продолжаютъ встрѣчаться въ сѣверно-русскихъ памятникахъ XV—XVII вѣка, но въ род. п. ед. ч. ихъ имѣютъ: часто—мѣстоименія и прилагательныя женскаго рода и рѣдко—существительныя; въ им. п. и вин. п. мн. ч. ихъ имѣютъ: часто—мѣстоименія и прилагательныя всѣхъ родовъ и очень рѣдко—существительныя. Причины такого измѣненія въ употребленіи этихъ формъ заключаются въ слѣдующемъ.

1) Имена съ основою на *ја*, вслѣдствіе вліянія на нихъ именъ съ основами на *ѣ* (*жена*) и на *і* (*кость*), мало по малу стали усваивать себѣ окончанія этихъ послѣднихъ, какъ въ формахъ другихъ падежей, такъ и въ формахъ род. п. ед. ч. и им.-вин. мн. ч., которыя такимъ образомъ стали оканчиваться на *и* или (рѣдко) на *ы*. Въ словахъ на *ца* и *за* (первоначально *ця* и *за*, такъ какъ *ц* и *з* были въ древнѣйшій періодъ мягкими звуками), *ы* въ род. п. ед. ч. и им.-вин. мн. ч. явилось очень рано, вмѣстѣ съ

¹⁾ Головацкій, Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго въ древнемъ галицко-волымирскомъ княжествѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ, 4—6.

²⁾ Извѣстія, X. 678—680.

³⁾ Буслаевъ, Матеріалы, 30—31; Потѣбня, Отчетъ о 20-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, 800—801.

отвердѣніемъ *ц* и *з*; въ Архангельскомъ Евангеліи 1092 г. мы находимъ род. п. ед. ч. *пользы*, имен. п. мн. ч. *вдовицы* ¹⁾, въ Златоструѣ XII вѣка родит. п. ед. ч. *пользы* ²⁾. Достоверныя примѣры замѣны падежныхъ окончаній основъ на *ја* падежными окончаніями основъ на *а* и *і* явились въ памятникахъ позже, но и они восходятъ уже въ XIII вѣку; мы находимъ: Духовная Новгородца Климента XIII вѣка: дат. п. ед. ч. *кланяюся игумену и всеи братье* ³⁾; Духовная Ивана Калиты 1328 года: родит. п. ед. ч. *княшни моее* ⁴⁾; Договоръ Симеона Гордаго съ братьями 1341 года: род. п. ед. ч. *княшни*, дат. п. ед. ч. *братъ* ⁵⁾; Духовная Симеона Гордаго 1353 года: род. п. ед. ч. *своее купли* ⁶⁾; грамота Олега Рязанскаго послѣ 1356 года: род. п. ед. ч. *стое Бци* ⁷⁾; Лаврентьевскій списокъ лѣтописи 1377 года: *по земль, на карать, бес купли, в цркѣи стго Ильи, понесѣте ны в лодь, чюжея земли ищещи, собрася брати, ископаша пещеру и кльми и др.* ⁸⁾; Апостолъ XIV вѣка: *стыа Пятницы, стыа Софеи (ibidem абладомъ)* ⁹⁾. Въ XV вѣкѣ именныя формы род. п. ед., им.-вин. мн. ч. на *и*, *ы* употребляются наравнѣ съ формами на *ь*, *е*; въ XVI и XVII вѣкахъ первыя уже значительно преобладаютъ надъ послѣдними.

2) Съ XIV вѣка мы начинаемъ замѣчать въ сѣвернорусскомъ языкѣ отпаденіе конечнаго чистаго гласнаго иногда послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ, но особенно часто послѣ *ј*, который въ этомъ случаѣ иногда не употребляетъ

1) Журн. Мин. Н. Пр. 1878 г., X, 186.

2) Малининъ, Исслѣдованіе Златоструя. 284.

3) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, XXXV, 38.

4) Собраніе госуд. грамотъ, I, 32.

5) Ibid. 36.

6) Ibid. 38.

7) Извѣстія, X, 678—679.

8) Повѣсть временныхъ лѣтъ по лаврентьевскому списку, 4, 21, 23, 27, 30, 39, 105.

9) Воскресенскій, Др. слав. Апостолъ, 177.

ся графически. Именно мы находимъ: Новгородская грамота 1375 года: *учинилось* ¹⁾; 1-ая Новгородская лѣтопись XIV вѣка: *явится* ²⁾; Евангеліе XIV вѣка, *блюдитесь* ³⁾; Договоръ Риги съ Полоцкомъ 1405 года: *надеючесь* ⁴⁾, гдѣ съ произошло изъ *ся*; Новгородская грамота 1396 года: за *Олекслевои* печатью, гдѣ *и=й=j* произошло изъ *ю*; та же грамота: не поминати *то* грамотѣ ⁵⁾, Полоцкая грамота 1465 года: *ваше* милости слуга ⁶⁾, гдѣ *то, ваше* надо читать *той, вашей*; конечный *j* произошелъ здѣсь изъ *ъ, е*: *той* изъ *тоъ, тое*. Изъ разсматриваемыхъ нами формъ отпаденіе гласнаго замѣчается только въ формахъ род. п. ед ч. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій, но не всегда.

3) Уже въ праславянскомъ языкѣ произошло смѣшеніе именительнаго п. мн. ч. основъ на *â* и *ja* съ винит. п. мн. ч., кончившееся совершеннымъ исчезновеніемъ формъ имен. п. мн. ч. Въ сѣверно-русскомъ нарѣчьи (какъ и вообще въ славянскихъ языкахъ), смѣшеніе имен. п. мн. ч. съ винит. распространилось на основы на *ja* и *ĭ* (муж. р.) и замѣчается уже въ XIII вѣкѣ: грамота литовскаго князя Гердена въ Ригу послѣ 1264 года: им. п. мн. ч. *тие люди* ⁷⁾; Новгородская Кормчая 1282 года: *люди* выльзуть ⁸⁾; грамота Рижанъ около 1300 года: горожане..., *которыи* были ⁹⁾, Ирмолой Новгородско-Софійской бібліотеки XIII вѣка: *отроцы* отъ пещи избавивъ ¹⁰⁾. Въ XIV вѣкѣ это смѣшеніе уже не рѣдкость: Новгородская грамота 1317 г.: им. п. мн. ч. *всеи талщи кы*, вин. п. мн. ч. *мои* недругы; грамота Олега Рязанскаго послѣ 1356 г.: имен. п. мн. ч.

1) Собрание госуд. грамотъ, I, 21.

2) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, III, 39.

3) Извѣстія, VI, 280.

4) Русско-Лив. Акты, 119.

5) Ibid. 86.

6) Ibid. 203.

7) Ibid. 13.

8) Русск. Достопамятности, I, 42.

9) Извѣстія, X, 133.

10) Ibid. VI, 37.

си вси *погосты*, *ямыцики* ¹⁾; новгородская грамота 1373 г.: взялъ у насъ товаръ *разбоиники* ²⁾; Договоръ Новгорода съ Ганзою 1392 г.: им. п. мн. ч. *послы* заморьскѣ ³⁾; новгородская Миняя XIV в.: им. п. мн. ч. вси полцы *рускыя* ⁴⁾; Палея XIV вѣка: им. п. мн. ч. *агѣлы*... *престолю*... серафими, суть же и служебни дѣи: *агѣлы* облакомъ, *агѣлы* росамъ ⁵⁾; Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: пустити *воробы*, нача *вои* совкупляти, послаша *лѣтшиѣ мужи*, удавиша кони (им. п.) *члѣвци* (вин. п. ⁶⁾). Въ послѣдующее время для обозначенія именительнаго и винительнаго падежей мн. ч. стала употребляться одна и та же форма; эта форма въ основахъ на *a* и *i* (муж. р.) — форма винительнаго пад.: *труды*, *добры*, *гости*, *пути*; а въ основахъ на *ja* — форма именительнаго п.: *лучи*, *сини*, *твои*. Такимъ образомъ формы вин. п. мн. ч. муж. р. на *ь*, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, вышли изъ употребленія.

4) Вышесказанное касается именъ существительныхъ, мѣстоименій и именъ прилагательныхъ нечленныхъ; что же касается до именъ прилагательныхъ членныхъ, т. е. состоящихъ изъ соединенія имени съ мѣстоименіемъ *и*, то они въ своей мѣстоименной части сохранили употребленіе и формы имен. п. мн. ч., и формы вин. п. мн. ч. независимо отъ того, какую форму имѣетъ ихъ именная часть. Такимъ образомъ явились четыре формы членныхъ прилагательныхъ мужск. р., употребляющіяся безразлично и въ значеніи имен. п., и въ значеніи вин. п. мн. ч.:

а) Формы, состоящія изъ имен. п. мн. ч. имени и мѣстоименія, напр.: *прочии* (Варяги) *идоша* Црюграду, князи *изымахомъ лѣтшии* ⁷⁾.

1) Извѣстія, X, 679.

2) Русско-Лив. Акты, 76.

3) Ibid. 87.

4) Извѣстія, VI, 293.

5) Ibid. X, 665.

6) Повѣсть вр. лѣтъ по Лавр. сп. 33, 37, 43, 46.

7) Ibid. 49, 164.

б) Формы, состоящія изъ им. п. мн. ч. имени и вин. п. мѣстоименія: посла к Игорю *лучиль* боляре, послаша *лншль* мужи ¹⁾;

в) Формы, состоящія изъ вин. п. мн. ч. имени и им. п. мѣстоименія: *мертвыи* срама не имамъ, сквозъ *половечьскым* вои ²⁾, и

г) Формы, состоящія изъ вин. п. мн. ч. имени и мѣстоименія: *безбожныи* снѣве измаилеви *высѣкоша*, *срѣтоша* *половечьскыи* князи ³⁾.

Членнымъ прилагательнымъ послѣдовали и членныя мѣстоименія.

5) Звуковое совпаденіе вин. п. мн. ч. именъ пралагательныхъ и мѣстоименій муж. р. съ вин. п. мн. ч. жен. р. повело къ употребленію формъ им. п. мн. ч. муж. р. вмѣсто формъ им.-вин. п. жен. р. Такимъ образомъ мы находимъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи: *врезаеми* бывають молитвы, ношаху сли печати *злати*, а гостье *сребрени*, *свои* главы сложимъ, зажгожа двери къ угу *устроении* ⁴⁾. Съ появленіемъ формъ им.-вин. п. муж. р. на *ыи* и *иль*, *ие*, при существительныхъ жен. р. стали употребляться и эти формы: Духовная Ивана Калиты 1328 г.: *вчашки круглыми* ⁵⁾; грамота Олега Рязанскаго послѣ 1356 г.:

¹⁾ Ibid. 20, 43.

²⁾ Ibid. 42, 162. Подобныя формы, образовавшіяся, конечно, независимо ить русскихъ, были и въ среднеболгарскомъ языкѣ: грамота Константина Асѣнія до 1278 года: *стыи* и *правовъпръныи* цѣrie (здѣсь, впрочемъ, *ы* иногда = *и*), Срезневскій, Св... Зам., LXXXI, 14.

³⁾ Ibid. 153, 162.

⁴⁾ Ibid. 123, 23, 42. Подобное употребленіе формъ имен. п. мн. ч. муж. р. можно видѣть и въ древнѣйшихъ памятникахъ: Юрьевское Евангеліе 1118—1128 года: *были* силы (Амфилохій, Описаніе Юрьевскаго Евангеліе, 85), Прологъ XIII вѣка: о женахъ, да будутъ *молчаливи* (Лавровскій, Описаніе семи рукописей, 14), но приведенные примѣры могутъ имѣть другое объясненіе.

⁵⁾ Собраніе гос. грамотъ, I, 32.

возрѣвъ есмь въ ...ныи грамоты ¹⁾; Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: нарицаху *лучшиль* жены ²⁾. Въ томъ же XIV в. имена и мѣстоименія средн. р. въ им.-вин. п. мн. ч. стали принимать окончанія именъ и мѣстоименій муж.-жен. р.: Духовная Ивана Калиты 1328 года: имен. п. мн. ч. *мыты, которыи...* (вмѣсто *мыта, которая*); Духовная Дмитрія Донского 1371 года: села *княжи Ивановы* ³⁾ и друг. Въ XV вѣкѣ правильныя формы им.-вин. ср. р. прилагательныхъ и мѣстоименій существовали еще въ языкѣ, но въ XVI и XVII вѣкахъ они, по всей вѣроятности, были уже совсѣмъ вытѣснены изъ употребленія формами им.-вин. п. муж.-жен. р. и въ настоящее время сохраняются только въ самомъ незначительномъ числѣ: *пока, пота, покамѣсть*, въ *та* поры (поры—род. ед. ч.) и т. п.

Такимъ образомъ формы мн. ч. на *ые, иь, ie* стали употребляться въ значеніи им.-вин. п. всѣхъ родовъ рядомъ съ формами на *ыи* и *ии*.

Въ настоящее время формы на *ь, е* сохраняются въ сѣверно-русскомъ языкѣ (=въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчійхъ) въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) въ родительномъ п. ед. ч, жен. р. мѣстоименій *и, ть, весь, самъ, одинъ*: *ее, тое, всее, самое, одное*. Эти формы употребляются въ настоящее время въ значеніи нетолько род., но и вин. падежа ⁵⁾. Здѣсь конечный гласный мо-

1) Извѣстія, X, 679.

2) Повѣсть вр. лѣтъ по Лавр. сп. 117.

3) Собрание гос. гр. I, 32.

4) Ibid. 51.

5) Начало употребленія формъ род. п. ед. ч. жен. р. въ значеніи вин. п. восходитъ къ тому же времени, къ какому восходитъ и употребленіе формъ род. п. муж. р. въ значеніи вин. п., т. е. къ праславянскому періоду. Мы находимъ: Успенскій Торжественникъ XII вѣка: *умысли създа^ати прѣвъ и създавъ еь...* (Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, Чтенія, 1870, I, 12 об.), Лаврент. списокъ лѣтописи: *видиши мя (Ольгу) большое*

жетъ произноситься или какъ чистое *e*, или какъ *ë*. Точно опредѣлить, гдѣ произносятся *e* и гдѣ *ë*, пока невозможно, но есть вѣроятіе, что формы *eë* и т. п. особенно распространены въ сѣверно-велико-русскомъ нарѣчій, хотя они извѣстны и въ южно-велико-русскомъ и въ бѣлорусскомъ: сѣв.-вр. нарѣчіе: Моложскій уѣздъ Ярославской губ. у *ней* ¹⁾; Пошехонскій уѣздъ Яросл. губ. коса *eë* ²⁾; Олонецкая губ. *тоë* ³⁾; Ковровскій уѣздъ Владимирской губ. со *тоë* тоски, *eë* любить ⁴⁾; Шадринскій уѣздъ Пермской губ. сыновья *eë*; увѣзь *ië*, отъ *ië* ⁵⁾; юж.-в.-русское нарѣчіе: московская губ. *eë*, *тоë*, *всеë*, *самоë*, *одноë*; Симбирскій у. на *тоë* рѣку, *всеë* ночку ⁶⁾; Нижегородскій уѣздъ выпивалъ *eë* ⁷⁾; Нижнедѣвицкій уѣздъ Воронежской губ. *тоë* ко-сынъку ⁸⁾; бѣлорусское нарѣчіе: Ржевскій уѣздъ Тверской губ. *яë* не взяли ⁹⁾; Виленскій уѣздъ Виленской губ. *яë* доля ¹⁰⁾; Дисненскій уѣздъ Виленской губ. *eë* вода мыла ¹¹⁾;

сущю (Повѣсть вр. лѣтъ, 40); точно также род. п. употребляется вмѣсто вин. въ средне-болгарскомъ, др. чешскомъ и др.-польскомъ языкахъ: ср. болг. Синаксарь 1330 г. *прѣдѣтъ кня Захарія*, (Ламанскій, О нѣкоторыхъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ. Загребъ и Вѣнѣ, 21); чешск. средневѣковые памятники: *uzřel jí stojéce*, *uzřel tvaž stojéce*, *vidéch dievku krev ločúce*, *slyšal ženu plačúce* (Sbornik vědecký II, 105); др.-польск. памят.: вин. п. ед. ч. *wszejó* (читай: *wszeje*), (Miklosich. Vgl. Gram. III, 440). Сравни серб. вин. п. ед. ч. жен. р. *je*.

1) Этнографическій Сборникъ, I, 143.

2) Ibid. II, 76.

3) Рыбниковъ, Пѣсни, IV, 298.

4) Смирновъ, Пѣсни крестьянъ Владимірской и Костромской губ., 11.

5) Пермскій Сборникъ, II, 164, 165.

6) Кирѣевскій. Пѣсни, I, 26; II, 61.

7) Ibid. II, 93.

8) Этнограф. Сборникъ, I, 261.

9) Ibid. 261.

10) Сборникъ памятниковъ народной поэзіи въ сѣверо-западномъ краѣ, 282.

11) Ibid. 229.

(Могилевская губ.?) расплесць её косицу 1). Формы *ее* и т. п., повидимому, неизвѣстны въ сѣв.-великорусскомъ нарѣчїи; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ объ ихъ существованїи ничего достовѣрнаго; но за то они очень распространены въ южно-великор. и бѣлорусск. *ее, тое, одное, всее.*

2) въ родительномъ пад. ед. ч. жен. р. именъ прилагательныхъ: *доброе, добрые.* Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ конечный гласный этихъ формъ звучитъ какъ *ё*, напримѣръ, въ ситскомъ говорѣ (Моложскій уѣздъ Ярославской губ.) безъ *великіё* безъ милосци, отъ *разумныё* матушки, середзи дороги *широкіё* 2); въ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ онъ звучитъ или какъ *и*, или какъ *я*; впрочемъ есть указанїя, что онъ звучитъ иногда и какъ *е*; въ пѣсняхъ, записанныхъ въ Пинскомъ уѣздѣ мы находимъ: до *новое* стаини 3); ср. въ пѣсняхъ изъ Лидскаго уѣзда Виленской губ. три бочки *пшеничнае* муки, двѣ бочки *криничнае* воды, съ *повнае* барелачки 4).

3) въ именительномъ-винительномъ мн. ч. мѣстоименїя *мой, твой, свой, чей* всѣхъ родовъ. Эти формы извѣстны въ великорусскомъ и въ бѣлорусскомъ нарѣчїяхъ: сѣв.-в. русское нарѣчїе: Ковровскій уѣздъ Владим. губ. заводы *вы мое* фабричныя, *мое* горемычныя, *свое* руки 5), Моложскій уѣздъ Ярослав. г. за *свое* руки, *свое* уста 6); Каргопольскій уѣздъ Олонец. губ. *че* 7); бѣлорусское нарѣчїе: *твое* кони, *мое* рыболовы, *мое* ручки, *свое* вядзерцы 8); въ южно великорусскомъ нарѣчїи эти формы находятя въ рав-

1) Записки Имп. Русскаго Географическаго общества по отдѣлу этнографїи, V, 167. (Сборникъ г. Носовича).

2) Этнограф. Сборникъ, I, 153, 158, 161. Сравни Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXX, I, 52.

3) Безсоновъ. Бѣлорусскїя пѣсни, 72.

4) Этнограф. Сборн., I, 289, 291.

5) Смирновъ, Пѣсни, 23, 79.

6) Этнограф. Сборн., I, 144, 160.

7) Колосовъ, Записки Ак. Н., XXVIII, II, 41.

8) Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, 18, 35, 38.

номъ употребленіи съ формами *мои, твои, свои, чьи*. Надо замѣтить, что конечный гласный въ нихъ звучитъ всегда какъ чистое *e*. Сверхъ мѣстоименій *мой* и пр. формы на *e* имѣютъ мѣстоименія *весь* и *съ* : *всть, съ* (въ выраженіи: и *тѣ* и *съ*), употребляющіяся во всѣхъ говорахъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ.

4) въ именительномъ-винительномъ мн. ч. именъ прилагательныхъ всѣхъ родовъ: *добрые, синіе*. Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ конечный гласный этихъ формъ звучитъ какъ *ѣ*. въ ситскомъ говорѣ: голубушки *мильѣ*, любезныѣ *мой*; *советныѣ*, столы *дубовыѣ*, поля *чыстыѣ* ¹⁾; въ пенкурскомъ: вереюшки *дубовыѣ*, грядочки *таловыѣ*, петелки *шелковыѣ*, слуги *вѣрныѣ* ²⁾, въ другихъ же говорахъ онъ звучитъ какъ чистое *e* ³⁾. Въ говорахъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ онъ произносится какъ *я* и *и*; въ пинскомъ говорѣ, часто сохраняющемъ гласные звуки въ древнѣйшемъ видѣ, онъ иногда звучитъ какъ *e*: *волы полове, сохи золотые, яремца буювые* ⁴⁾.

Сверхъ того, въ великорусскомъ нарѣчій сохранились скудные остатки формъ на *ь, е* род. п. ед. ч. им.-вин. п. мн. ч. именъ существительныхъ мужскаго и женскаго рода. Что касается до первыхъ формъ, то какъ ни мало у насъ свѣдѣній объ нихъ, однако можно сказать навѣрно, что они хотя и въ незначительной части, но все таки существуютъ и въ сѣверно- и въ южно-в. русскомъ нарѣчій онежск. отъ *Добрынь* ⁵⁾, москов. у *свиньь*, вокругъ *земль* и т. п. О существованіи въ великорусскомъ нарѣчій формъ им.-вин. п. мн. ч. на *ь, е* мы заключаемъ изъ формы *ко-не* (им. п. мн. ч.), употребляющейся въ катунскомъ говорѣ (Балахнинскаго уѣзда Нижегородск. губ.) ⁶⁾. Въ большомъ

1) Этнограф. Сбор., 145, 147, 156.

2) Кирѣевскій, Пѣсни, V, 132; VI, 96.

3) Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXVIII, II, 25.

4) Безсоновъ, Бѣлор пѣсни, 73.

5) Гильфердингъ, Онежскія Былины, 847.

6) Нижегород. Сбор. III, 155.

употребленіи находятся они въ бѣлорусскомъ нарѣчій: Виленск. губ. *огне кладуць, даждже дробные* ¹⁾, Пинск. уѣздъ *ратае твое, подвое твое* ²⁾.

Въ южно-русскомъ (малорусскомъ) нарѣчій съ формами на *ь, е*, произошло слѣдующее: основы на *â* и *î* въ род. п. ед. ч. и им.-вин. мн. почти не оказали вліянія на основы на *já*; конечный гласный въ родит. п. ед. ч. членныхъ прилагательныхъ жен. р. отпалъ здѣсь лишь въ немногихъ случаяхъ; замѣна формъ им. п. мн. ч. формами випит. п. произошла во всѣхъ именахъ и мѣстоименіяхъ, кромѣ немногихъ исключеній; формы им.-вин. п. мн. ч. именъ прилагательныхъ средняго рода (какъ и въ сѣвернорусскомъ нарѣчій) исчезли; но за то древнее *ь, е* въ большей части говоровъ замѣнилось мягкимъ *і*. Когда именно имѣла мѣсто эта замѣна, нельзя сказать; можно однако предположить, что въ галицкомъ говорѣ, гдѣ разсматриваемыя нами формы теперь оканчиваются только на *і*, во второй половинѣ XIV вѣка конечный гласный звучалъ еще близко къ *е*: галицк. актъ 1359 года: *дѣднину отца ее* ³⁾, хотя *ів*. староста русскоѣ земли.

Такимъ образомъ въ современныхъ южнорусскихъ говорахъ мы находимъ древнія формы на *ь, е* въ слѣдующемъ видѣ:

1) Формы род. п. ед. ч. жен. р. а) именъ существительныхъ: украинско-галиц. *землі, души, сѣдлецк. земље-душје* ⁴⁾; б) им. прилагательныхъ: укр.-галиц. *доброі, стар, шоі*, волынск. *доброје, старшоје* ⁵⁾, и в) мѣстоименій: укр.

1) Этнограф. Сбор., III, 205, 210.

2) Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, 72, 73.

3) Головацкій, Памятники, 5, 6.

4) Житецкій, Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 309.

5) Труды этнограф.-статистической экспедиціи въ юго-западный край, II, 173 (*старшоје*).

галицк. *ii, jei, toi*, сѣдлецк. *jije, toje* 1); эти послѣднія формы употребляются и въ значеніи винительнаго падежа; и

2) Формы именительнаго-винительнаго пад. мн. ч. а) именъ существительныхъ муж. и жен. р.: укр.-галицк. *сухарі, землі*, сѣдлецк.-заблудовск. *сухарје* 2), *землје* 3); б) им. прилагательныхъ всѣхъ родовъ: укр.-галицк. *добриі, добриі*, сѣдл.-волынск.-заблудовск. *добрије* 4), и в) мѣстоименій всѣхъ родовъ: укр.-галицк. *моі, твоі, свої, всі*, сѣдл. волын.-заблуд. *моје* 5) и пр. *всје* 6).

Формы на *ь, е*, встрѣчаемыя и въ древне-русскихъ памятникахъ, и въ современномъ русскомъ языкѣ уже давно обратили на себя вниманіе ученыхъ.

Наиболѣе научное мнѣніе объ нихъ высказано г. Бодуэномъ-де-Куртенэ. Оно сводится къ тому, что русскія формы род. п. ед. ч. на *ь, е* обязаны своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи и что древнѣйшее окончаніе этихъ формъ уступило мѣсто окончанію род. п. ед. ч. основъ на согласную и *ѣ*: *матере, крове, камене, словесе* 7). Съ этимъ мнѣніемъ однако нельзя согласиться по слѣдующимъ причинамъ.

1) Слова съ основною на согласную и *ѣ* были въ славянскомъ языкѣ настолько малочисленны сравнительно со словами, имѣющими основу на *јѣ*, что не могли оказывать вліянія на эти послѣднія.

2) Они издавна стали слѣдовать склоненію основъ на *і*, какъ въ другихъ падежахъ (*матерѣ, кровѣ, словесѣ*),

1) Житецкій, Очеркъ, 304 (*jije*).

2) Ibid. 300.

3) Труды этн.-стат. эксп. IV, 251 (*свјецје*).

4) Ibid. 264 (*вороније*), 242 (*добрије*); Этнограф. Сборникъ III, 95 (*половыје*).

5) Этнограф. Сборникъ, *ibid.*, 92 (*своје*), 95 (*моје*).

6) Житецкій, Очеркъ, 299; Труды IV, 221.

7) Филологическія Записки 1880 г., V, 10 (библіографія).

такъ и род. п. ед. ч., который уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка нерѣдко оканчивается на *и*: Архангельское Евангеліе 1092 года: *крови* ¹⁾; Пандекты Антіоха XI вѣка, *злата и камени* ²⁾. Слова Григорія Богослова XI вѣка: *словеси, небеси* ³⁾; Златоструй XII вѣка: *словеси, тѣлеси, имени, отроцати* ⁴⁾ и т. п.

3) Если даже допустить, что въ род. п. *земле* е перешло изъ формъ *матере* и др., то какъ объяснить е въ вин. мн. ч. *муже*, при формахъ *матери, камени, словеса*? Отвѣта на этотъ вопросъ г. Бодуэнъ-де-Куртенэ не даетъ.

Г. Потенбня, говоря о бѣлорусскихъ формахъ имен. п. мн. ч. *мае* дзѣтки, *твае* ключи, замѣчаетъ: „е есть непосредственная замѣна *ѣ*“, „продуктъ чисто-звуковаго стремленія“ ⁵⁾, но въ послѣдствіи взялъ назадъ слово „непосредственная“ и призналъ болѣе вѣроятнымъ, что *е* въ приведенныхъ бѣлорусскихъ формахъ примыкаетъ къ *я* изъ *ѣ* ⁶⁾.

Колосовъ высказался объ древне-русскихъ формахъ на *ь*, е въ томъ смыслѣ „на замѣну *ѣ* черезъ *ь* можно смотрѣть какъ на замѣну его черезъ *е*, явившееся однако не непосредственно изъ *ѣ*, а изъ его замѣны *я* черезъ перегласованіе“ ⁷⁾.

Что касается до „перегласованія“ *я* въ *е*, то въ ударяемыхъ слогахъ оно дѣйствительно существуетъ въ современномъ русскомъ языкѣ, но только въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія: олонецк. *зеть, грезь чешиша* ⁸⁾ (= *зять, грязь, чаща*) и в галицкомъ: *лежѣти, конѣ, взѣвъ* (= *лежати, коня, взявъ*), въ другихъ же говорахъ оно неизвѣстно. Можно считать исключеніемъ формы

1) Амфилохій, Описаніе Ев. 1092 г., 25.

2) Матеріалы для Словаря и грамматики, V, 186.

3) Будиловичъ, Изслѣдованіе, 15.

4) Малининъ, Изслѣдованіе Златоструя, 284.

5) Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, 83, 84.

6) Къ исторіи звуковъ рус. яз., I, 10.

7) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка, 60.

8) Колосовъ, Записки Ак. Н. XXVIII, II, 43.

запречь, запрѣтъ, трѣсъ, вмѣсто *запрячь, запрягъ, трясъ*, но *е* въ этихъ формахъ вѣрнѣе объяснять, не прибѣгая къ „перегласованію“; именно, оно могло явиться подъ вліяніемъ съ одной стороны формъ *запрягѹ, трясѹ*, гдѣ неудачное *я* произносилось близко къ *е*, и съ другой—формъ какъ *берегѹ—берѣтъ, несѹ—нѣсъ*. Съ этимъ *е* можно сопоставить *о* въ великорусск. формахъ *плѣтитъ, сѣдитъ, тѣщитъ*¹⁾, *нѣлты*, явившееся подъ вліяніемъ съ одной стороны формъ *плачѹ, сажѹ, тащѹ, пальтѣ*, (въ окающихъ говорахъ *плочѹ* и т. д.) и съ другой — формъ *ношѹ—носитъ, прошѹ—прѣситъ, кольцѣ—кѣльца* (въ акающихъ говорахъ *нашѹ* и т. п.). Въ древне-русскомъ языкѣ *е* изъ *я* не встрѣчается, если не принимать въ расчетъ такіе несомнѣнные болгаризмы какъ *іюнѣ* въ кѣ Цѣль-града (Остромирово Евангеліе²⁾; зѣля *вонѣ*, видить порядку *въсь* проныренья врагъ (Пандекта Антиоха XI вѣка³⁾; *дѣвицѣ, банѣ, вечерѣ* (им. п. ед. ч.). Слова Григорія Богослова⁴⁾ и др. Все это заставляетъ насъ отказаться отъ объясненія разсматриваемыхъ нами формъ на *ь*, *е* изъ древнѣйшихъ на *я*.

Максимовичъ высказалъ мнѣніе, что *ь* въ *моль дѣти* (Мстиславова грамота 1130 г.) и въ *мечѣ своѣ* (Договоръ Игоря съ Греками) есть нечто иное, какъ изображеніе звука *и*⁵⁾.

Г. Житецкій отозвался объ формахъ на *ь*, *е* такимъ образомъ: „Извѣстно, что русскій языкъ съ самаго начала своей исторіи не имѣлъ юсовъ, какъ не имѣлъ звука *ь*, и вотъ древне-русскіе писцы одну неизвѣстную имъ величину замѣняли другою, т. е. вм. *я* писали *ь*. А такъ какъ въ древне-славянскихъ рукописяхъ они видѣли частое смѣшеніе *ь* съ *я*, такъ какъ съ другой стороны въ русскомъ

¹⁾ Форма *кѣтитъ* сюда не относится. Въ ней *о* совершенно правильно: *кѣтитъ* при *катать*, какъ *вскоичитъ* при *скакать*.

²⁾ Остромирово Ев. 238, 286 об.

³⁾ Матеріалы для словаря и грам., VII, 17, 40.

⁴⁾ Будиловичъ, Изслѣдованіе, 11.

⁵⁾ Собраніе сочиненій, III, 320.

языкъ *л* произносился какъ *я* (послѣ шипящихъ часто какъ *а*), то весьма могло быть, что первоначально въ этихъ формахъ *ль* означало *я* и потомъ, путемъ прогрессивной ассимиляціи, изъ *я* образовалось *йе*, слѣдоват. *ль=ю*¹⁾.

Объясненія этихъ авторовъ отличаются совершенною ненаучностью. Максимовичъ долженъ былъ знать, что рядомъ съ формами на *ль* въ памятникахъ древне-русскаго языка встрѣчаются и формы на *е*, которое никакъ нельзя считать графическимъ изображеніемъ звука *и*. Г. Житецкій также долженъ знать, что *ль*, какъ звукъ, существовалъ въ русскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ до второй половины XIII вѣка, потому что переходъ *е* въ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ, начавшійся въ русскомъ языкѣ въ это время, не распространился на *ль* (немногія великорусскія исключенія нельзя принимать въ расчетъ) и такимъ образомъ звуковое различіе между *ль* и *е* несомнѣнно существовало и для древне-русскихъ писцовъ *ль* небылъ „неизвѣстною величиною.“

Наконецъ г. П. Лавровскій объяснялъ появленіе *ль* въ формахъ род. п. ед. ч. *Собѣль*, *пятницъль* и т. п. „неопредѣленностью древняго носоваго звука *л*, заключавшаго въ себѣ, вѣроятно, что-то среднее между *ли* и *ен*“²⁾. О достоинствѣ этого объясненія излишне распространяться.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своего мнѣнія о формахъ на *ль*, *е*, мы должны рѣшить вопросъ о томъ, какимъ именно звукомъ они оканчивались. Мы видѣли выше, что гг. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Потенбня и Колосовъ стоятъ за *е*, Максимовичъ—за *ль*; на чьей сторонѣ правда?

Если мы обратимся къ древне-русскимъ памятникамъ, то увидимъ, что въ нихъ эти формы оканчиваются на *ль* несравненно чаще чѣмъ на *е*, такъ, въ числѣ примѣровъ, приведенныхъ нами изъ памятниковъ XI вѣка; одиннадцать

1) Очеркъ звуков. исторіи, 82.

2) О языкѣ сѣв.-русск. летописей, 62.

имѣютъ ъ и только два—е; въ числѣ примѣровъ изъ памятниковъ XII вѣка шестьдесятъ девять имѣютъ ъ и только двадцать три—е, и т. п. Въ тѣхъ изъ памятниковъ, которые описаны въ мѣстностяхъ, гдѣ ъ часто или рѣдко проносилося какъ и или близко къ и, разсматриваемыя нами формы, кромѣ ъ и е, оканчиваются иногда и на и:

Остромир. Евангеліе: въ єдинимъ сѣботы=τῆς σαββάτων на погребени стѣѣ *Бци*; сравни: стѣи мѣци *Василиси*, стѣимъ мкомъ *Вавулѣ* и *Ерміони* (вм. *Василисы*, *Ерміонь* ¹⁾).

Златоструй XII вѣка: мѣры любѣве *тои*; сравни *миру* = *мѣру* ²⁾);

Сборникъ поученій XII вѣка: *неизрекомыи* суть муки, *ейпи славныи* имены; сравни: *приситила*=*присѣтила* ³⁾).

Духовная новгородца Климента XIII вѣка: на *свои* рукы; сравни: со *всиль* моимъ племенемъ ⁴⁾).

Псалтырь 1296 года: по *еи* воли, от лица *земли*, въ бѣлюбивыя *мужи*; сравни: в *лицѣ* стѣихъ ⁵⁾).

Сюда же можно отнести: волж *іеи* творита въ Изборникѣ Святославовомъ 1076 года ⁶⁾, отъ ржкы *твоѣи* въ Пандектахъ Антіоха XI в. ⁷⁾, *кнѣзѣи* нашѣ въз... въ Кондакарѣ XII вѣка (*ibidem* *рачѣ*=*рацѣ*) ⁸⁾, нѣколику *братіи*, видѣша ключа *невреженыи* въ Успенскомъ Торжественникѣ ⁹⁾, *неимѣнія* дѣля глубины *земли* въ Юрьевскомъ Евангеліи 1118—1128 года ¹⁰⁾, стѣя *мѣци* Аквлины въ Минеѣ XII

1) Остромирово Ев., 110, 228; 213 об. 214 об.

2) Малининъ, Изслѣдованіе Златоструя, 284.

3) Извѣстія, X, 553, 563, 555.

4) Срезневскій, Свѣд. и Зам., XXXV, 38, 39.

5) Буслаевъ, Истор. Хрестом., 84, 86; 91.

6) Ibid. 294.

7) Амфилохій, Описаніе Воскресенской Ново-іерусалимской библіотеки, 50.

8) Извѣстія, X, 516.

9) Чтенія 1879, I, 17 (Житіе Θεодосія Печ.); 1870, I, 13, об. (Сказаніе о Бор. и Гл.).

10) Амфилохій. Описаніе Юрьев. Ев., 62.

вѣка 1), се въдале Варламе... *пожни*... *пожни* и ловища (им. п. ед. ч. *пожня*) въ Вкладной Варлаама Хутынскаго 2), стѣя мѣа *Фотини*, стѣго мѣа *Андрѣи* (им. п. ед. ч. *Андрѣя*) въ Мстиславовомъ Еванг. до 1117 года 3).

Изъ поименованныхъ памятниковъ значительная часть писана въ Новгородской области, другіе же (Изборникъ 1076 года) писаны въ южной Руси, въ мѣстностяхъ, гдѣ въ настоящее время обычно произношеніе *ь* какъ *и*.

Конечно, въ пѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ и можетъ и не быть фонетической замѣной *ь*, но въ остальныхъ оно не можетъ имѣть другаго объясненія.

Если мы обратимся къ даннымъ современнымъ русскаго языка, то увидимъ слѣдующее:

Великорусскія и бѣлорусскія формы имен.-винит. п. мн. ч. *мое, твое, все* (= *всь*), *оине* и т. п., указываютъ на то, что конечный гласный звучалъ въ нихъ нѣкогда какъ *ь*, потомучто если бы онъ звучалъ какъ *е*, то на него распространился бы дѣйствующій во всемъ сѣверно-русскомъ нарѣчїи законъ перехода всякаго конечнаго *е* (изъ древнѣйшаго *е*) послѣ *ј* и мягкихъ согласныхъ и подъ удареніемъ въ *о*.

На то уже указываютъ южно-великорусскія и бѣлорусскія формы род. п. ед. ч. *ее, тое* и т. п. (не *еѣ*).

На то же указываютъ всѣ малорусскіе рефлексы древнихъ формъ на *ь, е*: род. п. ед. ч. *землі* и *землѣ* и т. п. въ нихъ *і* является въ двухъ говорахъ, гдѣ *ь* произносится всегда какъ *і*, а *ѣ* въ тѣхъ, гдѣ *ь* произносится болѣе или менѣе часто какъ *ѣ*. Замѣтимъ, кстати, что малор. *землі* не имѣетъ ничего общаго съ великор. *земли*. послѣдняя форма въ украинскомъ и галицкомъ говорахъ звучала бы *земли*, съ твердымъ *и* на концѣ.

Если вышеуказанныя данныя единогласно говорятъ за

1) Извѣстія, VI, 47.

2) Ibid. X, 510.

3) Ibid. 127, 134.

ль, то имѣются данныя, говорящія и за е. Это сѣв.-русск. род.-вин. п. ед. ч, *её, тоё*, род. п. ед. ч. и им. мн. *добрыё*. Но эти формы, хотя они имѣютъ значительное распространёніе, тѣмъ не менѣе надо считать позднѣйшими, сравнительно съ *ее, добрые, её, тоё*, употребляясь въ значеніи вин. п. подчинились аналогіи такихъ формъ вин. п. ср. р., какъ *моё, твоё, своё*; сравни современ. новгород. чрезъ.... еюсѣнную каналю, на ею красу и т. п., гдѣ форма *ею* образовалась изъ формы *ее* или *её* по аналогіи *мою, твою, свою* и друг. ¹⁾, что же касается до формъ *добрыё* и т. п., то находящемуся въ нихъ звуку *ё* не слѣдуетъ придавать особаго значенія: въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчій *ль* подъ удареніемъ верѣдко, а безъ ударенія часто звучитъ какъ *ё*; сравни: дѣло *повелёное* ²⁾, *медвѣдка, ёствушка*, казна *несмётная* ³⁾ и другіе примѣры, приведенные Колосовымъ ⁴⁾.

И такъ, древне-русскія род. пад. ед. ч. и имен. мн. жен. р. и вин. мн. муж. р. оканчивались на *ль*.

Сравненіе русскаго языка съ другими славянскими показываетъ намъ, что разсматриваемыя нами формы не могутъ считаться специально-русскими и что они восходятъ къ праславянскому періоду.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ польскаго языка имена и мѣстоименія въ род. п. ед. ч. жен. р. и им.-вин. мн. муж. и жен. р. ⁵⁾ имѣютъ окончаніе *je*: *Præcationes 1375*

¹⁾ Новгородскій Сборникъ, III, 5. Нѣчто подобное произошло съ формою род. п. ед. ч, *jeji* и въ чешскомъ языкѣ: она получила значеніе притяжательнаго мѣстоименія 3-го лица и даже стала склоняться по образцу именъ прилагательныхъ, отъ нихъ, быть можетъ, она заимствовала и долготу конечнаго гласнаго.

²⁾ Рыбниковъ, Пѣсни, I, 2, 3, 38, 115.

³⁾ Ibid. I, 487; 251, 265.

⁴⁾ Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей нар. рус. яз., 75.

⁵⁾ Въ то время, къ которому относится первые памятни-

года: *tworziczel neba y zeme, z dzenice Marie, otpuszczi nasse wini* ¹⁾; Флоріанская Псалтырь: *do oblicza zeme, ne ostawisz dusze moiey, z zeme, garnecz nadzieie moiey, palce moje strogili sò szaltarz, zamócy ie* (=ц. слав. ѡ), *ti roztarglies studne* ²⁾; Шарашпатацкая Библия: *s szemye, oszlyótkò, oslycze swej, do czemnicze, winnicze nye bódzes obrzazowacz, owoce.... gemi* (им. п. ед ч. *owoc*, муж. р.), *uczynyl suknye koszane, stworzyl je* (=ц. слав. ѡ), *sò dusze зуwe* ³⁾. Эти формы сохраняются и доньяѣ и въ самомъ польскомъ языкѣ (формы род. п. ед. ч. только въ народныхъ говорахъ) ⁴⁾; и въ близко родственномъ ему языкѣ кашебскомъ, въ которомъ мы находимъ: *z rjivnice, z jeje żarka, bëli gótove nuoże, bële stare konie, na tónjce* ⁵⁾.

Конечное *je* въ приведенныхъ нами формахъ и имъ подобныхъ нельзя считать происшедшимъ изъ ѡ. Формы род. п. ед. ч. на *e* въ народныхъ польскихъ говорахъ, да же тѣхъ, которые, подобно опольскому, описанному Л. Малиновскимъ, постоянно сохраняютъ въ чистотѣ конечный носовой гласный, — совершенно неизвѣстны; въ письменныхъ памятникахъ XV—XVI столѣтій они встрѣчаются, но въ высшей степени рѣдко; такъ, въ Флоріанской Псалтыри ихъ замѣчено только двѣ. Эти формы намъ представляются неболѣе, какъ ошибками или описками, ничѣмъ не отлича-

ки польскаго языка, въ немъ уже существовало употребленіе формъ вин. п. мн. ч. муж. р. въ значеніи им. п.

¹⁾ Archiv für Slavische Philologie IV, 191.

²⁾ Psalterz królowej Małgorzaty, wyd. staraniem hr. Dunina Bórkowskiego, 2, 7, 8, 33, 1, 2, 42.

³⁾ Biblia królowej Zofii, wyd. przez Małeckiego, 2, 44, 91, 3, 4, 6, 8.

⁴⁾ Напримѣръ, въ опольскомъ говорѣ:

młóońnice, studnie, kuźnie. Malinowski, Beiträge zur Slawische Dialectologie, 23.

⁵⁾ Гильфердингъ, Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря 103, 91, 95, 119. Ср. Hanusz, O samogłoskach nosowych w narzeczu Słowińców Pomorskich, Kabatków i Kaszebów, 5, 22, 28, 40.

ющимися отъ тѣхъ, которыя мы находимъ напримѣръ въ Шарашпатацкой Библии: *duszó* таа, *zemyó* пые *wygzucila*, *góka przichodnyowa* (им. п. ед. ч.), *kadzidlnicza swó* (вин. п. ед. ч.) ¹⁾. Формы им.-вин. мн. ч. съ носовымъ гласнымъ въ исходѣ не встрѣчаются ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ современномъ народномъ языкѣ.

Въ языкѣ вымершихъ полабскихъ Славянъ, близкому къ польскому и въ особенности къ кашебскому, мы находимъ такія формы имеп.-винит. п. мн. ч. *núze* (цер. слав. *ножа*), *krągile* (ц. слав. **кразыля*, нѣм. *Krengel*) *vúce* (ц. слав. *овьца*), *vúze* (ц. слав. *вльжа*), *múje*, *tiúje*, *siúje* (ц. слав. *можа* и т. д.) ²⁾. Въ этомъ языкѣ носовые гласные постоянно сохраняются; слѣдовательно, приведенныя формы не могутъ происходить изъ формъ на *ę*.

Въ языкахъ верхне- и ниже-лужицкомъ, а равно въ языкѣ лужицкой Библии 1548 года, русскому *ь*, церковно-славянскому *ѣ* въ падежныхъ формахъ соотвѣтствуетъ *je*: в. и н. луж. родит. п. ед. ч. *role*, *zmúje*, *jeje*, *mojeje*, Библия: *zete*, *pokladnicze*, *teye*, *woneye*, *galileyskeye* ³⁾; вер. и ниж. луж. им.-вин. п. мн. ч. *role*, *duše*, *je*, *moje*, Библия: *penúze*, *moie*, *twoie* ⁴⁾. Въ будишинскомъ и другихъ говорахъ, гдѣ древнему *ь* соотвѣтствуетъ теперь *i*, разсматриваемыя нами формы оканчиваются также на *i* ⁵⁾. Это обстоятельство указываетъ на то, что луж. *je* не произошло изъ *ja=ѣ*.

Въ чешскомъ языкѣ какъ древнемъ, такъ и новомъ,, формы род. п. ед. ч. жен. р. и им.-вин. мн. ч. муж. и жен. р. оканчиваются на *je*; ихъ мы находимъ напримѣръ, въ Легендѣ о св. Екатеринѣ XIV вѣка: род. п. *z svej zete*,

1) Biblia kr. Zofii, 42, 85, 93, 107.

2) Schleicher, Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprachen, 226, 225, 252.

3) Archiv für Sl. Philologie I, 215, 237. 208.

4) Ibid. 216, 210.

5) Pful, Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache, 9.

jejie, tejto chvíle, им. п. *sluhy, ježto se mučie*, вин. п. *pa-
de vše krále, ve vše kraje, mnohé země* ¹⁾). Тоже окончание
мы видимъ и въ словацкомъ языкѣ: род. п. *zeme*, им.-вин.
zeme, moje, naše. Такъ какъ ни въ чешскомъ, ни въ сло-
вацкомъ языкѣ разсматриваемыхъ нами формъ съ оконча-
ніемъ *ja* не встрѣчается (памятники въ родѣ Краледвор-
ской рукописи, конечно, въ счетъ не идутъ) и такъ какъ,
сверхъ того, въ словацкомъ языкѣ церковно-славянскому *ж*
всегда соотвѣтствуетъ *ja*, *a* (только послѣ губныхъ *ä*), то
поэтому приведенныя чешскія и словацкія формы не мо-
гутъ быть рефлексами формъ на *я*.

Въ памятникахъ церковно-славянскаго языка формы
род. п. ед. ч. и имен. мн. ч. жен. р. на *ь* (*я, а*) неизвѣст-
ны. Формъ вин. п. мн. ч. намъ извѣстно только четыре,
да и тѣ находятся въ такихъ памятникахъ, языкъ кото-
рыхъ уже переходитъ въ средне-болгарскій: Саввина Книга:
нищаа всегда съ собою *ж* имате; Слуцкая Псалтырь: уничи-
жилъ еси *въсь* отстѣпашаа отъ правды твоихъ, прѣ-
стѣпникинопѣщевахъ *въсь* грѣшныа земли; Евангель-
скіе Листы Ундольскаго: съважѣте *ь* (плѣвелы) ²⁾. Въ сред-
не-болгарскомъ языкѣ формы на *ь* (*я, а*), хотя и не часто,
но встрѣчаются въ памятникахъ: Норовскій Стихирарь XI
— XII вѣка: *неавьенья* мѣдрости глабинѣ ³⁾, Грамота Юан-
на Асѣня II послѣ 1218 г.: до коя либо земля, до... *Карвунъ-
скыль* хоры, Симеона Неманѣ ⁴⁾; Октоихъ XIII в. юж.-сл. Ак.
Наукъ: *тжль*, явишжса, исушивше вса *тжль*, слзь *тжль*
даждь ли, *чтѣщаа* та просвѣти, *поѣщаа* та просвѣти, про-
свѣти... *поѣщаа* та и величаѣща, облакъ... *точѣща* намъ
водѣ и *напаѣща*, слъзы пролѣвимъ *очищаѣща* скверны, *по-
ѣща* спѣши люди, слышаж *мироносица*, конча земныа

¹⁾ *Život sv. Kateřiny*, vydal Pečírka, 7, 9, 19, 49, 5, 11, 21.

²⁾ Срезневскій, Памятники юсоваго писъма, 74, 162, 194.

³⁾ *Ibid.* 214.

⁴⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, LXXXI, 9, 15.

(=коньца) ¹⁾; Синаксарь XIII вѣка: *всѣя земля* ²⁾. Поученія Ефрема Сирина XIII — XIV вѣка: *всѣя слабости*; Сборникъ Севастьянова: *разби всѣя сыжды и стѣклъницѣ* ³⁾. Но остается вопросомъ, тождественно ли по образованію это средне-болгарское *ль* съ русскимъ, или оно представляетъ собою позднѣйшее, специально болгарское образованіе. Последнее, по нашему мнѣнію, вѣрнѣе. Въ памятникахъ церковно-славянскихъ и въ особенности средне-болгарскихъ мы встрѣчаемся нерѣдко съ замѣною *л-са ѣ-мѣмъ* (*я, а*), и на оборотъ: Клоціева Глаголита: *распльль* (=распльль) ⁴⁾; Македонскій Листокъ: *лмь* (= *льмь*); Евангельскіе Листы Ундольскаго: *Гюрїл* (род. п. ед. ч.) ⁵⁾; Евангеліе XII—XIII вѣка: *пѣтель* (=пѣтель), *мькькы* ⁶⁾; Сборникъ XIII вѣка: на *трьпльл* (мѣстн. п. ед. ч.), *лутл* (=лутль) ⁷⁾; Октоихъ XIII вѣка южно-слав. Академіи: *славль* (=славль = славль), *авь* (*авьл = авьл = авьл*). *земл*, *бурл* (имен. п. ед. ч.) ⁸⁾; Хиландарское четвероевангеліе 1322 года: великаго *црл* ⁹⁾; Сборникъ 1348 года: *жрьбь* (=жрьбл) ¹⁰⁾; Служебникъ 1532 года: *прѣдстателл*, *рѣшителл* (род. п. ед. ч.), *сирл* ¹¹⁾.

Въ ново-болгарскомъ языкѣ встрѣчаются формы множ. числа жен. р. на *я*: *кѣитя* високи ¹²⁾; это *я*, можетъ быть тотъ же звукъ, что и ср. болг. *ль*.

¹⁾ Archiv für Slav. Phil., III, 343, 334.

²⁾ Ламанскій, О нѣкоторыхъ рукописяхъ, 19.

³⁾ Срезневскій, Пам. юсоваго письма, 398, 222.

⁴⁾ Koritar, Glagolita Clozianus, 13.

⁵⁾ Срезневскій, Пам. юс. письма, 193, 195.

⁶⁾ Ламанскій, О нѣк. рукоп., 325.

⁷⁾ Starine, V. 50.

⁸⁾ Archiv f. Sl. Phil., III, 339, 348.

⁹⁾ Срезневскій, Пам. юс. п., 350.

¹⁰⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам., XXXVI, 45.

¹¹⁾ Плотниковъ, Средне-болгарскій служебникъ, 1552 года, 21, 40.

¹²⁾ Періодическо Списание, 1870 г., I, 104.

Въ сербскомъ и словинскомъ языкахъ мы не знаемъ никакихъ слѣдовъ существованія разсматриваемыхъ нами формъ.

Родство русскихъ и западно-славянскихъ формъ на *ь* съ южно-славянскими на *л* не можетъ подлежать сомнѣнiю. Чередованiе *л* и *ь*, восходящее къ праславянскому периоду, хотя и нечасто, но встрѣчается въ славянскихъ языкахъ: ц.-слав. *дрѣзга*, рус. *дрѣзга* и серб. *дриѣзга*, пол. *drzazga*; русское *прямя*, серб. *према*, словац. *príam*, (изъ **прам*.) и ц.-слав. *прѣмь*, словинск. *srémítí se*; рус. *румянь*, серб. *румен*, (изъ **румѣнь*) и ц.-слав. *румьнь*, пол. *rumianu*, *rumienies*, и т. п. Взаимное отношенiе *л* и *ь* тождественно съ взаимнымъ отношенiемъ *ж* и *ы* въ ц.-сл. *иджить* и *иды*, *пржжати* и *прыати*, и русскiе формы *земль*, *мужь* одинаковы по образованiю съ формами *жены*, *рабы*: какъ *ь* въ первыхъ, такъ и *ы* въ послѣднихъ одинаково восходятъ къ индо-европейскому *án*, *an* и образовались черезъ опущенiе носоваго согласнаго предъ послѣдующимъ согласнымъ (*s*) и происшедшее отъ того удлиненiе краткихъ рефлексовъ индо-европ. *a* ¹⁾. Не слѣдуетъ удивляться, что *ь* въ указанныхъ формахъ стоитъ послѣ *ј* и мягкихъ согласныхъ: оно отличается по своему происхожденiю и по качествамъ отъ *ь* изъ дифтонга *ai* и потому послѣ *ј* и мягкихъ согласныхъ не замѣняется *и*, какъ въ мѣстномъ п. ед. ч.; оно отличается по своему происхожденiю и по качествамъ и отъ *ь* изъ и.-европ. *â*, и потому послѣ *ј* и мягкихъ согласныхъ не звучитъ какъ *а*. Не слѣдуетъ также удивляться и тому, что передъ нашимъ *ь* могутъ находиться и *ж*, *ч*, *ш*, и *з*, *ц*: какъ *ь* изъ *ai*, такъ и *ь* изъ *â* сами производятъ смягченiе гортанныхъ, а *ь* изъ *án*, *an* въ *земль*, *мужь* находится только въ тѣхъ именахъ, которыя образованы при помощи суффиксовъ *ja*,

¹⁾ Ср. Schmidt, Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, I, 80—88, 176—178.

jâ и въ которыхъ смягченіе гортанныхъ произведено *j-мъ* суффикса.

Само собою разумѣется, что *e* въ формахъ *матере*, *камene*, *иджите*, *учителе* по своему происхожденію не имѣють ничего общаго съ *ь* въ *земль*, *мужь*.

Намъ приходилось упоминать о вліяніи въ русскомъ языкѣ склоненія именныхъ основъ на *â* и *i* женскаго рода на склоненіе именныхъ основъ па *jâ*, и мы указывали, что окончанія *и*, *ь* въ род. п. ед. ч., им.-вин. мн. *земли*, дат.-мѣстн. ед. *земль* перешли въ эти формы изъ формъ *жены*, *кости*, *женъ*, Точно такое же вліяніе имѣло и склоненіе основъ на *a* и *i* мужскаго рода на склоненіе основъ на *ja*: мѣстн. п. ед. *царь*, род. мн. *царей*, обязаны своимъ происхожденіемъ формамъ *рабь*, *гостей*. Начало этого вліянія относится къ XIII—XIV вѣку. Раньше началось вліяніе именныхъ основъ на *ja*, *jâ* на именные основы на *a*, *â*, но въ русскомъ языкѣ оно не получило такого сильнаго развитія, какое мы видимъ въ языкахъ сербскомъ и словинскомъ, и ограничилось въ обще-русскомъ языкѣ сравнительно немногими формами. Слѣды этого вліянія—формы род. п. ед., и им. п. вин. п. мн. ч. на *ь* и его рефлексъ *и* отъ основъ на *a*, *â* мы встрѣчаемъ уже въ первыхъ памятникахъ русскаго письма:

XI вѣкъ.

Изборникъ Святославовъ 1073 года: отъ дръжимыя въ руцѣ челюсти *мрътвь* ¹⁾:

Архангельское Евангеліе 1092 года: въскрилъ *ризь* ѿго (тоу *ѣмат(ов)*). Сравни *ibidem*: въскриляя *ризь* ²⁾;

XII вѣкъ.

Мстиславово Евангеліе до 1117 года: сѣтя мчницѣ *Хръстинь* ³⁾;

¹⁾ Извѣстія, X, 425.

²⁾ Амфилохій, Описаніе Ев. 1092 г., 14, 15.

³⁾ Извѣстія, X, 133.

Вкладная Варлаама Хутынского послѣ 1192 года: *ниви* и *пожни* и *ловища* ¹⁾);

XIII вѣкъ.

Новгородская грамота 1270 гооа: у *Кюрилы* ²⁾);

Новгородская Кормчая 1282 года: по полу *гривнѣ*, *поль гривнѣ* ³⁾);

Духовная новгородца Климента *д̄ гривне*, *гї ногате*, *поль гривне*, у *козѣ* ⁴⁾);

XIV вѣкъ.

Новгородскія грамоты:

1317 года: *Андрѣевѣ* дѣти, на *порукуѣ*, *пословѣ Михайловѣ* ⁵⁾);

1318 года: *пословѣ Махайловѣ* *человалѣ* крестѣ ⁶⁾);

1392 года: *смотрѣвѣ* въ *грамотѣ* в *старѣ* въ *заморьскѣ* въ *хрестинѣ* и *въпасѣ* *свои*, *мирѣ* *опришѣнни* и *грамотѣ* *опришѣнни*, не *помянати* то (=той) *грамотѣ*, до *Михайлѣ*, *нѣтъ* *измѣнѣ* ⁷⁾);

Евангеліе 1355 года: *аще* *будемѣ* *грубо* *написали* или *кдѣ* *переступилѣ* ⁸⁾);

Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: *выволокоша* *рыболове* ⁹⁾);

Служба Іоанну Златоусту 1380 года: *написанѣ* *бы* *мо* *литвенникѣ* *сии* *рабу* *бїю* *попу* *ерѣю* *Микулѣ* *стго* *Николѣ* ¹⁰⁾);

1) Ibid. 510.

2) Собрание гос. гр., I, 4.

3) Рус. Достопамятности, I, 37, 50.

4) Срезневскій, Свѣд. и За., XXXV, 39.

5) Собрание гос. гр. I, 15, 16, 17.

6) Ibid. 22.

7) Рус.-Ливонскіе Акты, 86—87.

8) Буслаевъ, Матеріалы, 31.

9) Повѣсть врем. лѣтъ, 110.

10) Извѣстія, X, 685.

Псалтырь Новгородскаго Софійскаго собора: вьсходя^т *горь* и низъходя^т поля ¹⁾);

Палея: *хъровимъ* многоочити ²⁾);

Двинская Рядная: тысяча *бълкь*, взяле двѣ тысячи *бълкь*, ѿ тысячь *бълкь* ³⁾);

Новгородскіе Юридическіе акты XIV—XV вѣка: половину *отцинь*, полъ четверта сорока *бълкь*, *сасини* дѣтѣ, половина той *подскотини* (им. п. ед. ч. подскотина), *пяте-ри* *гонь* (им. п. мн. ч., им. ед. гонѣ), съ *иви*, отцину *Мъ-хътеви* дочери Ѳедосьину, съ Лукерьиною землею *Петрови* *жони*, до *Назареви* земли ⁴⁾);

Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи: безъ *знатбъ*, у *Нъжятъ*, *инекъ* (мн.) привезоша, отъ *Хревъковъ* улицы, съ *Бълмъ*, объ ону страну *окъ*, воевати *городъ* *Черниговьскъе*, *рѣкь* возъ ⁵⁾);

Ипатьевскій списокъ лѣтописи XIV—XV вѣва: *быхомъ* *вѣдалъ*, *бѣаху* *полонилъ*, *половци* *наворотилъ*, *ратнъ* лю-ди, *полонилъ*, *есмы*, *инъи* (имен. мн. ч. муж. р.) и друг ⁶⁾);

XV вѣкъ.

Евангеліе 1409 года: при всѣхъ черныцехъ стѣо *Ни-коле* ⁷⁾);

Новгородская грамота 1426—1461 года: промежи сво-его княженъя и промежи новгородчкои *отцинь*;

Рязанская грамота 1496 года: городскіи *рыболове* ⁸⁾);

Акты XV - XVI вѣка: полъ сѣма сорока *бълкь*, отъ

¹⁾ Ibid. 676.

²⁾ Ibid. 665.

³⁾ Срезневскій, Св. и Зам., XXIX, 79, 80.

⁴⁾ Акты Юридическіе, 110, 111, 115, 116.

⁵⁾ Полное собраніе рус. лѣтописей, III, 9, 13, 20, 22, 25, 30, 32, 33.

⁶⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, 504, 505, 515, 546, 548, 556.

⁷⁾ Буслаевъ, Матеріалы.

⁸⁾ Собраніе гос. гр., I, 23. 327.

Иванове межи, на другой сторонѣ *Въшере* рѣки, отъ *Въшере* рѣки 1);

XVI вѣкъ.

Сѣверно-русская Духовная: у *Мини* 2);

Переяславскій актъ 1563 года: *рыболове* ловятъ озеро *Переславское*. 3).

XVII вѣкъ.

Новгородская крѣпостная книга 1612 — 1613 годовъ: съ *Ивореве* улице, съ *Павлове* улицы 4);

Актъ 1667 года: до *берези*, отъ *берези* до *берези* 5);

Значительная часть поименованныхъ памятниковъ принадлежитъ новгородской области и писаны новгородскимъ нарѣчіемъ; изъ приведенныхъ нами формъ многія, конечно, могутъ быть объясняемы иначе: *ъ* въ *поруку*, *Михайловъ* можетъ быть графическимъ изображеніемъ *и*, но оно можетъ также изображать и собственно *ъ*, какъ показываютъ формы на *е*.

Въ современныхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ формы на *ъ* вмѣсто *ы* мало извѣстны (это зависитъ можетъ быть, отъ той небрежности, съ какою и у насъ записывались и записываются до сихъ поръ произведенія народной поэзіи); однако мы ихъ находимъ и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчій: онежск. отъ *Мамслофы Тилофеевнъ* 6), каргопол. *уоваривале* 7); и въ южно-в. русскомъ: московск.

1) Акты, относящіеся до юридическаго быта др. Россіи изд. Калачовымъ, II, 414—415.

2) Акты Юрид., 441.

3) Акты археограф., эксп., I, 288.

4) Акты, изд. Калачовымъ, II, 391, 399.

5) Ibid. 454.

6) Гильфердингъ, Онеж Былины, 775.

7) Колосовъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей, 117.

у вашей *сестрѣ* ¹⁾ и въ бѣлорусскомъ: виленск. *быля* гос-подары, *хадзиля* стральцы (я изъ ъ) ²⁾.

Въ малорусскихъ говорахъ такія формы представляютъ явленіе обычное: украинск. с *правді*, *дідової дочки*, до *торбинки*, *ратники*, *батько* и *мати такі раді*, *добрі люде*, *дубі*, *кісточкі* ³⁾; галицк. наметы *бѣлі*, *шівкові*, *срібні підкови*, *кленові ушка*, *мѣдяні човна*, *золоті весла* ⁴⁾. Такъ какъ въ украинскомъ и галицкомъ говорахъ южно-великорусскимъ *ы* и *и* послѣ согласныхъ почти всегда, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣйствуетъ аналогія другихъ словъ и формъ, соотвѣтствуетъ *и*, а не *і*, то приведенныя формы по образованію одинаковы съ старыми новгородскими формами на ъ.

Звуковое тождество родит. п. ед. ч. *сестрѣ* съ дат. и мѣстн. п. ед. ч. было причиною, что съ одной стороны форма род. п. *сестры* стала употребляться въ значеніи формы дат. и мѣстн. п.: рукопись XVI вѣка: *дубь... подобень березы красны*; 2-ая Новгородская лѣтопись по списку XVI вѣка: о *опришныны*, в деревни *Княжцины*, на *Вѣшеры рѣки*, въ *земшны* ⁵⁾; Новгородская крѣпостная книга XVII вѣка: къ *горы* ⁶⁾; пѣсни, записанныя для Р. Джемса въ XVII вѣкѣ: *охте мнѣ*, *молоды*, *горѣвати* ⁷⁾; современныя олонеккія былины: въ *моей дружины*, *ко дружины*, *ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ*, *по избы*, *по правды*, *по истинны* ⁸⁾;

¹⁾ Кирѣевскій, Пѣсни, II, 65.

²⁾ Этногр. Сбор., III, 210, 225.

³⁾ Труды этн.-стат. эксп., II, 93, 79; 92, 96, 100, 101.

⁴⁾ Головацкій, Народныя Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, 33, 34, 67.

⁵⁾ Тихонравовъ. Памятники русской отреченной литературы, I, 80; Новгородскія лѣтописи, изд. Археогр. Коммисіи 98, 69, 105, 106.

⁶⁾ Акты, изд. Калачовымъ, II, 392.

⁷⁾ Буслаевъ, Истор. Хрестом., 1034. Употребленіе формы *молоды* показываетъ, по нашему мнѣнію, что пѣсни записаны для Р. Джемса не въ Москвѣ, какъ обыкновенно полагаютъ, а гдѣ нибудь на сѣверѣ, можетъ быть, въ Архангельскѣ.

⁸⁾ Рыбниковъ, Пѣсни, I, 9, 11, 28, 36, 39.

ржевск, на *галавы* ¹⁾). Съ другой стороны нѣкоторыя формы дат. п. ед. ч. стали употребляться въ значеніи формъ род. п.: Новгородская грамота 1307—1308 год.: у *владыцъ* ²⁾; Современн. галицк. до *мамці* (имен. п. ед. ч. *мамка*) ³⁾.

Явленіе, которое только что разсмотрѣно нами въ именномъ склоненіи, имѣеть мѣсто и въ склоненіи мѣстоименномъ съ тою разницею, что въ этомъ послѣднемъ оно коснулось только формъ им.-вин. п. мн. ч., но за то (можетъ быть, благодаря вліянію косвенныхъ падежей), получило гораздо большее распространеніе. Какъ форма родит. п. *земль* вызвала форму *сестръ*, такъ точно формы им.-вин. п. *встъ*, *стъ* вызвали формы *тѣ*, *онѣ*, *однѣ*, *самѣ*, которыя встрѣчаются уже въ памятникахъ XIV вѣка.

Новгородскія грамоты: 1305—1308 года: на *тѣ* грамоты, 1317 г.: *тѣ* (головы) пойдутъ, 1318 г.: *тѣ* грамотѣ (вин. п.) ⁴⁾.

Московскіе акты: 1328 г.: *тѣ* (люди) (вин. п.), 1356 г.: *тѣ* села, 1371 г.: *тѣ* села ⁵⁾.

Минейя XIV вѣка: *онѣ* (мужи) начаша ⁶⁾.

Ипатьевскій списокъ лѣтописи: бояре *самѣ* ⁷⁾.

Эти формы имѣютъ значительное распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ, какъ въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ (впрочемъ о существованіи въ нихъ въ настоящее время формы *самѣ* у насъ нѣтъ свѣдѣній), такъ и въ малорусскомъ: украинск. *тѣ*, *вонѣ*, *самѣ* (прв *они*, *сами*).

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи (какъ и въ

¹⁾ Этнограф. Сборн., I, 282.

²⁾ Собрание гос. гр. I, 14.

³⁾ Головацкій, Нар. Пѣсни, II, 79. Съ нашимъ объясненіемъ формъ дат. мѣстн. п. на ы.—ср. объясненіе Лескина въ Kuhn's Vaiträge, VI, 170—171.

⁴⁾ Собрание гос. гр., I, 11, 15, 18.

⁵⁾ Ibid. 32, 42, 51.

⁶⁾ Извѣстія, VI, 292.

⁷⁾ Лѣтопись по Ип. сп., 525.

старинномъ) формы *онъ*, *однъ* употребляются при существительныхъ не только женскаго рода, но и мужскаго: *ѣнъ* принимаютъ, подавають *енъ* (старика), подѣзжаютъ *онъ* (Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ), *онъ* крестами побратались (богатыри) ¹⁾. Ученіе о формахъ *онъ* и *однъ*, какъ о формахъ женск. р., излагающееся обыкновенно въ нашихъ грамматикахъ, ни на чемъ не основано.

Надо замѣтить, что форма *тъ* не можетъ считаться специально русскою: она существуетъ также въ словацкомъ языкѣ: *tie*, но, конечно, въ немъ явилась независимо отъ русской формы. Что касается до ново-болгарск. *тъ* (подъ удареніемъ = *тя*), то это, вѣроятно, форма не им.-вин., а род.-вин. п. мн. ч., т. е. = *тъхъ*; сравни въ языкѣ седмградскихъ болгаръ: *jessant dessen-taf* prononcsenie bose, é dal gospodin bog *dessen-taf* prononcsenie ²⁾, гдѣ *taf* надо читать *тяф* = *тѣхъ*.

Формы на *ъ* перешли и въ склоненіе основъ па *і* въ нарѣчіяхъ сѣверно-великорусскомъ и малорусскомъ, по въ первомъ употребленіе ихъ, если можно основываться на имѣющемся у насъ матеріалѣ, не отличалось и не отличается обширностью: Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: положить *моуцъ*, на *моуцъ* Θεодосѣевы, взяша *моуцъ* ³⁾; новгородскіе акты XIV—XV вѣка: *днѣтъ* ⁴⁾; устюженскій актъ XVI вѣка: *спередъ* ⁵⁾; современ. новгородск. *издале* ⁶⁾; шадринск *сыздале* ⁷⁾. Сравни въ Договорной грамотѣ смоленскаго князя Мстислава съ Рюгою 1229 года: кто то у *Ру-*

¹⁾ Рыбниковъ, Пѣсни, I, 3, 7, 72.

²⁾ Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen 108, 109.

³⁾ Повѣсть врем. лѣтоп., 139, 140.

⁴⁾ Акты Юридическіе, 111, 143.

⁵⁾ Акты, изд. Калачовымъ, II, 399.

⁶⁾ Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXVII, II, 11.

⁷⁾ Пермскій Сборникъ, II, 181.

се (=въ Руси) гостит ¹⁾; соврем. вел.-рус. *позадъ*, въ *кровъ*, на *Русь* и т. п. Въ малорусскомъ нарѣчїи формы на *ъ* отъ основъ на *і* распространены гораздо болѣе: украинск. им.-вин. мн. *гості*, *люді*, *двері*, даже *вічі*, *уші*, сравни за-славск. *двере* ²⁾).

Подобный переходъ формъ на *ъ* въ склоненіе основъ на *і* замѣчается и въ западно-славянскихъ языкахъ. Мы его находимъ а) въ польскомъ: шарашпатацкая Библия: вин. п. мн. ч. *dzwyrze* ³⁾, современ. *twarze*, *dłonie* и т. п. (ср. тв. п. мн. *drzwiami*, мѣстн. *drzwiach*), б) въ верхне-лу-жцкомъ: род. п. ед., им.-вин. мн. ч. *kosće*, *husle* и т. п. (ср. *kosćam*, *kosćach*) и в) въ словацкомъ и моравскомъ: им.-вин. п. мн. *jasle*, *dveře* ⁴⁾; (ср. слов. *jaslam*, *jaslach*).

Наконецъ формы на *ъ* перешли въ русскомъ языкѣ и въ склоненіе личныхъ мѣстоименій. Древнія формы *мене-тебе*, *себе* совершенно утрачены великорусскимъ и бѣло-русскимъ нарѣчїями (въ малорусскомъ они сохранились), въ которыхъ они должны были бы звучать, по закону пере-хода конечнаго ударяемаго *е* въ *ѣ*, *менѣ*, *тебѣ*, *себѣ*, и за-менены въ нихъ формами *мень*, *тебъ*, *себъ*, образованны-ми по образцу *земль*. Эти послѣднія формы явились въ русскомъ языкѣ очень давно, если только можно основываться на данныхъ памятниковъ, въ которыхъ мы нахо-димъ: Слова Григорія Богослова XI вѣка: отъ *себъ*, у *себъ*, у *тебъ* ⁵⁾; Пандектъ Антіоха XI вѣка: *себъ* самого ⁶⁾, Успенскій Торжественникъ XII вѣка: въ *себъ* мѣсто ⁷⁾; Новгородская Кормчая 1282 года: отъ *себъ* ⁸⁾; Апостоль

¹⁾ Собрание гос. гр., II, 1.

²⁾ Труды этн.-ст. эксп., II, 162.

³⁾ Biblia kr. Zofii, 55.

⁴⁾ Susil, Moravske národné písně, 11, 22, (2-gie wyd.).

⁵⁾ Будиловичъ, Исслѣдованіе, 12.

⁶⁾ Матеріалы для сл. и грамм., VII, 8.

⁷⁾ Чтенія 1879 г. I, 38 (жизніе Θεодосія Печ.).

⁸⁾ Русскія Достоц., I, 33.

1307 года: отъ *мень*, одѣсную *мънь* ¹⁾; Евангеліе 1325¹/₄²
1361 года: до *тебъ* ²⁾ и др. Въ малорусскихъ говорахъ
эти формы, хотя и очень рѣдко, но встрѣчаются: пружанск.
сами *собі* не поживіте, не мене молодого, не коня вороного ³⁾.
Конечно, они могутъ имѣть и другое объясненіе: *мень*
(какъ и *меня*) можно считать формами одного образованія
съ литовск. *maņes*, но первое объясненіе намъ кажется
наиболѣе вѣроятнымъ.

Существовали ли въ русскомъ языкѣ, рядомъ съ раз-
сматриваемыми формами на *ъ*, также и формы на *я* изъ *я?*

Въ письменныхъ памятникахъ съ древнѣйшаго време-
ни и по сю пору, въ однихъ часто, въ другихъ рѣдко, да-
же очень рѣдко, мы находимъ начертанія: *ея*, *моея*, *добрыя*
(род. п. ед. ч.), *моя*, *добрыя* (им.-вин. мн. муж.-жен. р.) и
т. п., но въ высшей степени сомнительно, чтобы начертанія
ея, *моея*, *мойя* въ настоящее время гдѣ нибудь въ Рос-
сіи произносились такъ, какъ они написаны, а начертаніе
добрыя передавало произношеніе какого-нибудь окающаго
говора, гдѣ *я* не есть обычная замѣна неударяемаго *е* ⁴⁾.
Сверхъ того надо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Въ великорусскихъ выраженіяхъ: по *ся* поры, по *ся*
дни ⁵⁾; форма *ся* есть форма вин. п. мн. ч. средняго рода,
а формы *поры*, *дни* — род. п. ед. ч.; сравни въ Успенскомъ
Торжественникѣ XII вѣка: въ *та днѣ* ⁶⁾, современное ве-
ликорусское въ *та* поры, пока мѣсть; также мы объясня-
емъ и форму *вся* въ малорусскомъ (украинск.) *вовся* = во-
все ⁷⁾. Эти выраженія представляются намъ архаизмами

1) Воскресенскій, др. слав. переводъ Апостола, 129.

2) Извѣстія, VI, 278.

3) Сборникъ пам. нар. позз. в сѣв.-зап. краѣ, 91.

4) Ср. Колосовъ, Обзоръ звуков. и форм. особенностей,
228, 237.

5) Буслаевъ, Историч. Грамм., I, 4, 159.

6) Чтенія, 1879, I, 10 об.

7) Ср. Потебня, Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій, 48.

сравнительно съ выраженіями: великорус. по *съ* дни, въ *тъ* поры, малор. во *всі*: въ этихъ послѣднихъ формы средняго рода замѣнились формами муж.-жен. р. Сравни в.-рус. по *та*, по *ка* и малор. по *ті*, по *кі*.

2) Формы им.-вин. п. мн. ч. *учителя*, *сыновья*, *боярѣ*, *крестьяня*, впервые являющіяся въ XIV вѣкѣ: Лаврентьев. списокъ лѣтописи: *Древья* ¹⁾, не могутъ считаться происшедшими изъ **учителя*, какъ показываютъ существующія рядомъ съ ними формы *берега*, *бойра*, *крестьяна*; и тѣ и другія — новѣйшія образованія, явившіяся вслѣдствіе того, что имена собирательныя един. ч. на *а* и *я* съ теченіемъ времени начали употребляться въ значеніи формъ множ. ч. другихъ, несобирательныхъ именъ: *испода* — какъ множ. ч. отъ *исподинъ*; *братья*, *князья* — какъ множ. ч. отъ *братъ*, *князь* ²⁾. Сравни обще-польск. имен.-вин.-п. мн. ч. *grunta*, *organa*, вел.-польск. им. мн. *ввасіа*, *furmanіа* ³⁾, словацк. им. мн. *synovia*, *hostia*, *zatia* (=ц.-слав. *затиѣ*).

Если наше сомнѣніе справедливо и формъ *ея* и *моєя* и т. д. въ современномъ русскомъ языкѣ дѣйствительно не существуютъ, то мы считаемъ возможнымъ заключить отъ настоящаго къ прошедшему и отвѣтить на поставленный нами выше вопросъ отрицательно. Замѣтимъ кстати, что и въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ слѣдовъ существованія падежныхъ формъ на *я* и его рефлексъ *ja*.

¹⁾ Повѣсть врем. лѣтъ, 8.

²⁾ Ср. Kuhn's Beiträge, VI, 42.

³⁾ Archiv für Sl. Ph., III, 159.

II.

**Именительный и винительный падежи единственного
числа мужескаго рода на е.**

Въ памятникахъ русской письменности имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія мужескаго рода въ имен. и вин. п. ед. ч. иногда имѣютъ окончаніе *е*:

Новгородская грамота 1189—1199 года: *убьють попь новгороцкое или нѣмецкое* ¹⁾;

Вкладная Варлаама Хутынскаго послѣ 1192 года: *въдале Варламе* (=въдаяъ Варламъ) ²⁾;

Златоструй XII вѣка: *Инатіе* повелѣваетъ ³⁾;

Пандекты Никона Черногорца XII вѣка: *Василіе, Даниле* ⁴⁾;

Паремейникъ 1271 года: *рабъ твое, оцъ мое, въ покое* ⁵⁾;

Кормчая 1282 года: *кто върне есть, крестъ не дошле Царяграда, егда обрътене* ⁶⁾, *Юрье* ⁷⁾;

Новгородская грамота 1392 года: *посаднике, тль товаръ, кто поимале, Иванъ повѣстоваль, дворъ погорпле* ⁸⁾;

¹⁾ Русско-Лив. Акты, 2.

²⁾ Извѣстія, X, 510.

³⁾ Срезневскій, Свѣд. и Зам., XXII, 10.

⁴⁾ Ibid. LV, 221.

⁵⁾ Буслаевъ, Истор. Хрест., 74, 75, 78.

⁶⁾ Калайдовичъ, Памятники р. сл., 177, 179.

⁷⁾ Извѣстія, X, 628.

⁸⁾ Русско-Ливонскіе Акты, 86, 87.

Двинская рядная XIV вѣка: *Завке ста на судѣ, Савке рче, Смене Ночине имале, . . . взяле* (=Семепъ Ночинъ и малъ, взялъ), *доспеле Смене Ночине* 1);

Новгородскіе юридическіе акты XIV—XV вѣка: *Марке, Костянтинѣ, Смене, Кире, Сидоръ Труфановъ, Есипъ Оомиль, Тимосеи Ивановъ, Перхуреи Оомиль, Пинате, Павле Труфановичъ, Петре* 2);

Пермская грамота 1605 года: *земскіе судья* 3).

Всѣ поименованные памятники, какъ это пле положительно извѣстно, или можно съ достовѣрностью полагать, писаны въ Новгородской, Двинской, Пермской областяхъ. Изъ этого можно бы было заключить, что мы имѣемъ дѣло съ особенностью сѣверно-великорусскаго говора, если бы не было данныхъ, которыя указываютъ на существованіе формъ въ родѣ вышесприведенныхъ и въ другихъ говорахъ стараго русскаго языка; такъ, въ московской грамотѣ 1540 года мы читаемъ: *иные игумень* 4); подъ лебедянскимъ актомъ 1659 года мы находимъ подпись: *попъ Евсье* 5).

Въ современномъ русскомъ языкѣ формы на *e* извѣстны преимущественно въ сѣверно-великор. говорахъ (почти исключительно въ пѣсняхъ): *онежскій говоръ: Садке, воронке* 6), *Петре* 7), *целовѣко-тъ уцливые, скажи поклонъ низкіе, теремъ ужасные, насмѣшникъ женскіе, вечеръ послѣдніе, калика переходжіе* 8), *монастырь пречестные, балхопъ высокіе, народъ православные, конь косматые, воропъ*

1) Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам., XXIX, 79.

2) Акты Юридическіе, 110, 111, 114, 115, 116.

3) Акты, изд. Калачевымъ, II, 590.

4) Ibid 550.

5) Акты Юридич., 291.

6) Рыбниковъ, III, 193.

7) Гильфердингъ, Онежскія былины, 1085.

8) Кирѣевскій, I, 53, 55, 88, 89; II, 12, 13. Можетъ быть, въ приведенныхъ формахъ нужно читать, вмѣсто *и п і*, — *о п е*: *уцливое, послѣднее* и т. д.; сравн выше *новороцкое*.

старшіе да *воронъ младшіе* ¹⁾; архангельскій говоръ: листъ *гербовыя* (надо читать на концѣ *е*, а не *я*) ²⁾. Изрѣдка они встрѣчаются и въ южно-великорусскихъ говорахъ, также въ пѣсняхъ: малоархангельск. увидалъ Егорій мѣсяць *ясныя* ³⁾.

Кромѣ русскаго языка, ихъ знаютъ также языки сербскій и средне-болгарскій: старо-сербск. *Дометіе, Корьиніе* ⁴⁾, *грѣшніе* (азъ *грѣшніе* и умплещив рабъ) ⁵⁾, современн.-серб. *Павле, Ненаде, ѣаконе, куме, беже, царе*; средне-болгарск. *Георіе, Лалое* ⁶⁾; сравн. пово-болгарск. *моминскія* кладенецъ, *твоя* гердап, *својо* вилаетъ ⁷⁾ и т. п., гдѣ *я* въ *моминскія* и *твоя* могло замѣнить *е* подѣ влияніемъ формъ пменъ существительныхъ на *а* и *я*, а *јо* въ *својо* — образоваться изъ *је*.

Указанныя формы были объясняемы нѣсколько разъ; мы остановимся на объясненіяхъ гг. Потемнина, Колосова и Дапичича.

Первые двое въ общемъ согласны между собою. Г. Потемнина въ русск. *Варламе*, концъ *косматые*, сербск. *Макаріе* сперва видѣлъ замѣну глухихъ звуковъ чистыми: въ *Варламе*, думалъ онъ, *е* — замѣна копечнаго *ѣ*; въ *косматые*, *Макаріе* — *е* замѣна *ј = јѣ* ⁸⁾. Впослѣдствіи онъ сопоставилъ русскія формы на *е* съ русскими же на *о*: *Окыинфо, Яково, послухо* и т. п., и призналъ, что *е* въ первыхъ есть не что иное, какъ графическое изображеніе *ѣ²*, образовав-

¹⁾ Ibid. III, 43, 44, 46; IV, 76.

²⁾ Ibid. VI, 116.

³⁾ Якушкинъ, Пѣсни, 68 (отд. оттискъ изъ 2 кн. Лѣтоп. русск. литер. и древн.).

⁴⁾ Daničić, Rad jugoslavenske Akademije, XXVI, 57.

⁵⁾ Записки Ак. Н., III, снимокъ съ хрисовула Стефана Уроша 1803 года. Сравн. Даничић, Историја облика, 151, прим.

⁶⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам., LXXXI, 19, 20, 23, 35.

⁷⁾ Дозов, Български нар. пѣсни, 9, 32, 64. Мнѣніе, что въ подобныхъ формахъ опущенъ членъ, намъ кажется ни на чемъ неоснованнымъ.

⁸⁾ Два послѣдованія, 74—75.

шагося изъ $\text{з}^{\text{ра}}$, точно такъ же, какъ o въ послѣднихъ есть только графическое изображеніе $\text{з}^{\text{ра}}$ 1).

Колосовъ сперва сопоставлялъ *Варламе* и т. п. съ *вѣху, цѣто, противъ* и видѣлъ въ этой формѣ результатъ смѣшенія глухихъ и замѣняющихъ ихъ чистыхъ звуковъ; формы *мое* (муж. р.), *покое* онъ объяснялъ такимъ образомъ: „пзвѣстно, что $\text{з} = \text{в}$ послѣ согласныхъ, $= \text{и}$ (и?) послѣ гласныхъ: *покое* (= *покой*) и под. есть то же, что *Варламе* = *Варламъ* изъ *Варламъ*“ 2). Послѣ онъ взялъ назадъ вышесказанное и заявилъ, что „древне-русскій языкъ не зналъ смѣшенія глухихъ... На форму *Варламе* не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на слѣдствіе перехода з въ в : вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что она предполагаетъ форму *Варламо* и явилась изъ послѣдней вслѣдствіе перѣдко замѣчаемаго въ сѣверно-великорусскомъ стремленія мѣнять твердые согласные на мягкіе, широкіе гласные на узкіе и на оборотъ. А быть можетъ, *Варламе* черезъ форму *Варламій*. Страшно ль = *ле* на мѣстѣ *лъ* причастія прошедшаго спрягаемаго... Можно бы *ле* объяснять изъ *ло*, толкуя *взале*, *имале* изъ *взлло*, *имало*, какъ *Смене* изъ *Смено*, *Завке* изъ *Завко*, но точки опоры въ современномъ русскомъ языкѣ для такого объясненія не находится; въ немъ вмѣсто *лъ* — постоянно *л*“. — Въ такихъ формахъ, какъ *кошь косматые*, Колосовъ признавалъ *e* явившимся изъ в 3).

Остановимся прежде на формѣ *Варламе*. И г. Потсбня, и Колосовъ считаютъ эту форму сравнительно повою, происшедшею изъ *Варламъ*, при чемъ первый предполагаетъ переходъ з въ в (графически $= \text{e}$), а второй — переходъ o (изъ з) въ e . Оба эти предположенія рѣшительно ни на чемъ не основаны. Изъ разсмотрѣнія данныхъ древнихъ памятниковъ и современнаго языка можно видѣть, что перехода з въ в въ русскомъ языкѣ никогда не существовало и формы на в вмѣсто з (въ родѣ *Варламъ*) въ немъ

1) Къ исторіи звуковъ, I, 43.

2) Очеркъ, 74, 88.

3) Обзоръ, 2—3, 5.

не были извѣстны (нѣсколько описокъ въ счетъ не и-
дутъ) ¹⁾; вслѣдствіе этого въ *e* въ *Варламе* не слѣдуетъ
видѣть графическаго изображенія *ь*. Что касается до пере-
хода *о* въ *e*, то его не зналъ и не знаетъ русскій языкъ:
пенелъ прп *попелъ*, *ребенокъ* при *робенокъ* и т. п. объясня-
ются инымъ путемъ.

Обратимся къ формѣ *косматые*. И г. Потенія, и Ко-
лосовъ согласны, что эта форма предполагаетъ форму *ко-*
сматыи, которая, по ихъ мнѣнію, есть не что иное, какъ
**косматыѣ*, — и приводятъ формы *Можасекъ* ²⁾, *троецкіи* ³⁾,
трее дворць ⁴⁾, будто бы изъ **Можавѣскъ*, **троѣцкіи*,
**треѣ*. Но нѣтъ сомнѣнія, что формы *Можасекъ*, *троецкіи*
обязаны своимъ происхожденіемъ не переходу не существо-
вавшего въ нихъ, въ историческое время, *ь*^{2*} въ *e*, а аналогіи
формъ *Брянскъ*, *Курскъ*, *молодецкіи*, *дворецкіи*. И въ *Можас-*
искъ, хотя и произошло изъ *ѣ*, но когда звучало, какъ гласный
звукъ, звучало одинаково со всякимъ другимъ *и*; сравн.
в.-русск. *яйцо* изъ **яѣце* (суффиксъ тотъ же, что въ *коль-*
цо, *крыльцо*) и род. п. мн. ч. *яйцъ*, *яйчко*, *яйчица* ⁵⁾. И
въ *троицкіи*, *троица* вовсе не происходитъ изъ *ѣ*: здѣсь
суффиксъ тотъ же, что въ *кормилица*, *молодица*. Форма
трее (которыхъ *трее* дворць выпросили ваша братья, нов-
городск. гр. 1257—1263 года) ⁶⁾ уже по тому одному, что
опа едпств. извѣстная форма род. п. мн. ч. на *e*, намъ
кажется не болѣе, какъ ошибкою (сравн. им. п. *трѣе*, *трее*)
или опискою; во всякомъ случаѣ ее нѣтъ надобности объ-

¹⁾ Въ южно-русскихъ XV—XVII в. памятникахъ *ь* ча-
сто стоитъ вмѣсто *ь*, но это *ь*, безъ сомнѣнія, не означаетъ
ничего.

²⁾ Колосовъ, Очеркъ, 102, 130; Потенія, Къ исторіи зву-
ковъ, I, 37.

³⁾ Очеркъ, 132.

⁴⁾ Къ исторіи зв., I, 42.

⁵⁾ Существоющія въ разныхъ русскихъ говорахъ формы
лѣцъ, *лѣчко* обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ
колецъ, *колечко*.

⁶⁾ Русско-Лпв. А., 9.

яснять прямо изъ **trejъ*. Такимъ образомъ фактовъ въ пользу *и=jъ* не оказывается, а между тѣмъ они пмѣются въ пользу *и=i*. На это указываютъ современныя пѣсенныя формы съ двойнымъ окончаніемъ: онежск. дядушка *родныйй*, калачикъ *пшённыый*, калпка *незнакомыйй*, лѣсъ *шумлячыйй* ¹⁾ и т. п., образовавшіяся изъ формъ *родныи*, *пшённыи* подъ вліяніемъ формъ *родной*, *пшённый*; бѣлорусск. *рай* ²⁾, а также старинное русское *Юрьи* въ памятникахъ XIV—XVII вѣковъ (напримѣръ, въ грамотѣ Олега рязанскаго 1356 года, въ Вологодской духовной 1626 года, въ южно-русскомъ галицкомъ актѣ 1421—1430 года) ³⁾ при *Юрыйй* ⁴⁾; на это же указываютъ современныя сербскія пѣсенныя формы въ родѣ *старији* (Али ти си од мене *старији*..... Твој је мејдан *старији* од мога) ⁵⁾ = русск. *старый*. Если *и* въ *косматыи* было (а отчасти и есть) не что иное, какъ *и*, то для того, чтобы приведенную форму поставить въ прямую фонетическую связь съ *косматые*, необходимо допустить переходъ *и* въ *е*, что невозможно ⁶⁾.

¹⁾ Рыбниковъ, I, 110, 285, II, 68, 300. Можетъ быть, надо чтать *родной* и т. д.

²⁾ Прекрасное соўнце
Весь свѣтъ освѣтило,
Рай сокрасило.

Безоновъ, Калѣки переходжѣ, VI, 307.

³⁾ Извѣстія, X, 678; Акты Юр., 460; Головацкій, Памятники, 43.

⁴⁾ Головацкій, *ibid.*, 4.

⁵⁾ Караѿић, Српске нар. пјесме, II, 360 (изд. 1875 г.).

⁶⁾ Въ сѣв.-в.-русскихъ говорахъ иногда встрѣчается *е* тамъ, гдѣ мы ожидали бы *и*: *ракетовъ* кустъ, *вехоръ* (Рыбниковъ, I, 134; II, 122) и т. п.; но *е* здѣсь явилось не фонетическимъ путемъ: чередованіе формъ *лесъ* и *лисъ* (=лѣсъ) вызвало чередованіе *ракетовъ* и *ракетовъ* и, на оборотъ, *щелье* и *щиле* (*ib.*, I, 177) и друг. Что касается до великорусск. *апрѣль*, *Аграфена*, изъ *априль*, *Агриппина*, то мы думаемъ, что *ь* въ этихъ словахъ (*Аграфена* правильнѣе писать *Аграфѣна*, такъ какъ *я* здѣсь — *е*, а не *ѣ*) надо объяснить такимъ образомъ: въ новгородскомъ говорѣ издревле *ь* произносилось близко къ *и*, или

Давничъ не касается такихъ формъ, какъ *Варламе* (хотя они донынѣ существуютъ въ сербск. яз. въ значительномъ числѣ), и объясняетъ только формы въ родѣ *Григоріе*. Онъ сопоставляетъ ихъ съ формами пмсн. п. ед. ч. именъ простыхъ и уменьшительныхъ на *о*: сербск. *Берило*, *Борило*, *Стојо*, *Вако*, *Дако* (= *Василій*, *Демьянъ*), др. русск. *Добрило*, *Дроцило*, *Владимирко*, *Василько*, чешск. *Zdenko*, *Hgrotádko*), пакопецъ, съ верхне-лужицкими формами зват. п. ед. ч. муж. р. на *о*: *daŕo*, *časo*, *Jano* и т. п., и приведенныя формы считаетъ формами им. п. ед. ч. муж. р. съ сохраненною въ цѣлости основою, въ которой конечный гласный *о* еще не ослабился въ *э* и потому не отпалъ; послѣ *ј*, думаетъ онъ, это *о* или осталось: *Vujo*, или перешло въ *е*: *Григоріе* ¹⁾.

Въ этомъ объясненіи мы видимъ цѣлый рядъ ошибокъ: *Берило*, *Добрило* — по формѣ слова средняго рода: сравни русск. *воротило*, *объѣдало*, *опивало* и *точило*, *шило*, *било*; и нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, будто въ нихъ *о* стоитъ вмѣсто *э*; *Вако*, *Василько* и другія уменьшительныя на *о* точно такъ же по формѣ — имена средн. р.: сравни ст. русск. мое *деревнишко*, мое *попадѣишко*, мое *дочеришко* ²⁾, современн. псковск. *дѣвкó*, — слова, въ которыхъ *о* никакъ нельзя считать замѣняющимъ *э*; верхне-лужицк. *daŕo*, *Jano* — формы только зват. п. и уже по одному этому ихъ нельзя ставить рядомъ съ *Добрило* и *Ва-*

какъ *и*, и новгородскіе писцы нерѣдко замѣняли *ь* черезъ *и* и на оборотъ — *и* черезъ *ь*; начертанія *апрѣль*, *Априппла*, явившіяся впервые совершенно случайно, съ теченіемъ времени сдѣлались обычными и перешли изъ Новгорода, вмѣстѣ съ книгами, въ среднюю Русь, гдѣ *ь* произносился постоянно близко къ *е*. Замѣтимъ, что наиболѣе употребительныя въ великорусскомъ нарѣчій имена собственные (заимствованныя изъ греческаго языка) постоянно слѣдуютъ законамъ в.-русской фонетики: *Ерѣма*, *Фѣдоръ*, *Фѣкла*, *Матрѣна* при *Ефремъ* (др. рус. *Ефрѣмъ*, украинск. *Охрімъ*, греч. 'Εφραίμ).

¹⁾ Rad, XXVI, 59—60.

²⁾ Буслаевъ, Историческая грамматика, II, 190.

силько; они образовались по образцу Воѣо, тиѣо (или существовавшихъ прежде ѣено и т. п.) точно такъ же, какъ ново-болг. формы зват. п. *кумичке*, *Драганке* (им. п. *кумичка*, *Драганка*) ¹⁾ образовались по образцу *душе*, *Милице*.

И такъ, фактовъ въ пользу сохраненія въ им. п. ед. ч. словъ муж. р. о (откуда послѣ *j* — *e*) не существуетъ и *Григоріе* нельзя считать формою болѣе древнею, чѣмъ *Григоріи*.

Интересно было бы знать, какъ объясняетъ Дапичичъ формы *Варламе* и т. п., формы, которыя, по нашему мнѣнію, нельзя игнорировать при объясненіи *Григоріе*.

Даничичъ признаетъ, что формы въ родѣ *Григоріе* очень удобно считать формами зват., а не именит. пад. ²⁾. Это вполнѣ справедливо не только относительно этихъ формъ, но и относительно формъ *Варламе*. Если мы взглянемъ на данныя сербскаго и русскаго языковъ, то въ числѣ ихъ увидимъ случаи употребленія формъ зват. пад. въ значеніи имен. п.: сербск. *Кралевићу*, *Урошу*, *Милошу*, *кралю*, *змају* (ѣе ово огњавити *змају*), *патријару*, *Саво* (подиже се *патријару Саво*) ³⁾ и друг., бѣлорусск. *негодзю* (я у це *негодзю*) ⁴⁾, *паничу* (ишоу слпчны *паничу*), *карабенику* (*карабенику* на сцѣлѣ прикованы) ⁵⁾, *онежск. кровати* (гдѣ твоя *кровати* тесовая) ⁶⁾. Съ послѣднею формою должно поставить рядомъ формы им. п. ед. ч.: др. рус. *юности* (обновиться *юности* твоя, Толковая псалтырь XII вѣка) ⁷⁾, *милости* (явѣ будетъ *млѣти* его, Прологъ XIII

¹⁾ Дозоп, Бѣлг. нар. п., 8, 29. Сербскія уменьшительныя имена женск. р. *Раде* и т. п., вѣроятно=**Радѣ*, какъ имена муж. р. *Андре* и друг.=**Андрѣ* (род. п. *Андрета*).

²⁾ Rad, *ibid.*, 61.

³⁾ Караѣић, Пјесме, II, 63, 71.

⁴⁾ Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 280.

⁵⁾ Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, 11, 146. *Карабенику* — по образцу *паничу*.

⁶⁾ Рыбниковъ, III, 51.

⁷⁾ Лавровскій, Описаніе 7 рук., 32.

вѣка) ¹⁾, др. польск. radości, miłości ²⁾, современн. моравск. smrti (potkala ho smrti) ³⁾. Эти примѣры показываютъ, что *Григоріе*, *Варламе* — также формы зват. п., употребленныя въ значеніи имен. п.

Въ сербскомъ языкѣ употребленіе формъ зват. п. въ значеніи имен. п. ограничивалось и ограничивается, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, именами собственными и тѣми изъ нарицательныхъ, которыя озпачаютъ одушевленные предметы; въ русскомъ языкѣ (особенно въ древнемъ) оно распространялось и на тѣ нарицательныя имена, которыя означаютъ предметы неодушевленные. Отсюда произошло слѣдующее:

1) Формы имен. п. въ родѣ *Варламе* послужили въ русскомъ языкѣ къ образованію формъ им. п. съ одной стороны *тъ* (= *те*), *взяле*, *имале*, отъ *тѣ*, *взялъ*, *ималъ*, — словъ, которыя едва ли употреблялись когда-нибудь въ зват. п., съ другой стороны — *Савке*, *Садке*, отъ *Савко*, *Садко*, звательный п. которыхъ былъ всегда тождественъ съ имен. п. ⁴⁾; сравнительно позднее появленіе *Савке*, *Садке* видно уже изъ того, что въ нихъ гортанный сочетается съ *e*;

2) Формы им. п. въ родѣ *Григоріе* вызвали въ русскомъ языкѣ формы *косматые*, въ сербскомъ — *грѣшніе*, отъ словъ *косматыи*, *грѣшнии*, никогда не имѣвшихъ особыхъ формъ зват. п.; наконецъ

3) При звуковомъ тождествѣ им. п. ед. ч. съ вин. п. формы им. п. на *e* стали употребляться въ русскомъ языкѣ и въ значеніи вин. п.: въ *покое*.

¹⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, LXXXVII, 163.

²⁾ Miklosich, Vergl. Gr., III, 427.

³⁾ Sušil, Moravské nár. p., 10. Сравни Gebauer, Hláskovloví jaz. českého, 29. Кромѣ мор. smrti, здѣсь приведены еще двѣ др. чешскія формы им. п. hosti (жеспк. р.) и posi, въ которыхъ *i*, по мнѣнію автора, замѣняетъ *o*; но вмѣсто hosti можно читать hostí (= русск. *юстья*), а posi можетъ быть формою не еднств., а множ. ч.

⁴⁾ Форма зват. п. *слове*, несомнѣнно, — новообразованіе.

И такъ, формы *Григоріе, Варламе* — древнія формы зват. п., съ давняго времени получившія значеніе им. п.; формы *косматые, Савке* — новыя формы зват. п., не имѣвшія, вѣроятно, пикогда значенія только этого падежа и употреблявшіяся также въ значеніи или имен., или вин. п. ед. ч.

III.

Дательный и творительный падежи множественнаго числа на мя.

Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ имена числительныя *два, три, четыре* образуютъ твор. п. мн. ч. при помощи суффикса *мя*: *двумя, тремя, четырьмя* (при *двуми, тремя, четырьми*). Въ малорусскомъ нарѣчіи эти формы неизвѣстны.

Шлейхеръ видѣлъ въ *мя* суффиксъ дат. — отложит. — твор. п. двойств. ч. и возводилъ его къ индо-европ. *bhjáms* ¹⁾ но это объясненіе не можетъ быть признапо удовлетвори- тельнымъ: въ русскомъ языкѣ индо-евр. *j* послѣ губныхъ согласныхъ (если сохраняется) переходитъ въ мягкое *л*, и поэтому въ *мя* не можетъ заключаться *j*; иначе, вмѣсто *мя*, мы имѣли бы *мля*: сравни *земля* изъ **земја*.

Лескинъ, опровергнувъ Шлейхера, предложилъ другое объясненіе. Формы *двумя* и друг. образовались, по его мнѣнію, изъ формъ твор. п. мн. ч. *двуми* съ присоеди- неніемъ къ нимъ конечнаго гласнаго твор. п. двойств. ч. *а*, такъ что *двумя* образовалось изъ **двумј-а, *двуми-а* ²⁾. Не- удовлетворительность этого объясненія очевидна: **двуми-а* должно дать въ русскомъ языкѣ не *двумя*, а *двумья*.

¹⁾ Compendium, 573 (4-е изданіе). Одного мнѣнія со Шлейхеромъ и Миллошичъ: Vgl. Gr. III, 305.

²⁾ Archiv für Slavische Philologie, I, 56—57; Die Declination im Slavisch-litauischen, 111.

Внимательное разсмотрѣніе данныхъ русскаго народнаго языка показываетъ, что формы на *мя* употребляются не отъ однихъ только именъ числительныхъ, но также и отъ мѣстоименій и членныхъ именъ прилагательныхъ, въ значеніи не только тв., но и дат. п. множ. ч.: дат. п. сѣв.-в.-русск. *имя* (=имъ) ¹⁾, тобольск. *тѣмя* ²⁾; твор. п. вятск. и пермск. *имя* ³⁾, пермск. *встѣмя, своимѣ* слезьми ⁴⁾, столами *дубовымѣ, дорожнемѣ* гостинцами, дымами *кудрявымѣ*, парами *медвянымѣ*, громами *гремячимѣ*, молоньями *налючимѣ*, коврами *шелковымѣ*, чепраками *золотымѣ*, молодцами *удалымѣ*, топорами *булатнымѣ* ⁵⁾ и друг.; виленск. пѣснями *веселенькимѣ* ⁶⁾ (последній примѣръ, — если въ немъ *я* не опечатка, — можетъ имѣть и другое объясненіе). Сюда можно бы присоединить нарѣчныя формы на *мя*, существующія только въ великорусскомъ нарѣчіи: *волочмя, дѣрмя, кишмя, лёжмя, ливмя, плашмя, рѣвмя, сидмя, стоймя, торчмя* (малорусск. *ліжма, лягма*, бѣлорусск. *кишма, лёгма*); такъ какъ значительная часть такъ называемыхъ нарѣчій есть не что иное, какъ падежныя формы именъ существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій, по большей части утратившихъ употребленіе формъ имен. п., то *волочмя* и друг. можно бы считать за формы твор. п. мн. ч. отъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ съ основами на *и* и *і*; сравн. *малы, вельми, кольми, весьма, тольма*. Но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что формы *волочмя* не имѣютъ ничего общаго съ *двумя* и т. п. и принадлежатъ къ числу новообразованій. По нашему мнѣнію, они произошли изъ *волочма* подъ вліяніемъ причастныхъ формъ *неся, глядя* (быть можетъ, при посредствѣ существо-

1) Колосовъ, Записки Ак. Н., XXVIII, 74; XXX, 51.

2) Id., Обзоръ, 235.

3) Id., Записки А. Н. XXVIII, 74; Пермскій Сборникъ, I, 109; II, 174.

4) Пермск. Сборникъ, I, 18, 42.

5) Ibid. I, 17, 28, 42; II, 128, 140, 152.

6) Этнограф. Сборникъ, III. 243.

вавшихъ нѣкогда причастныхъ формъ *неса, уда*), которыя имѣютъ съ ними много общаго и по значенію, и по употребленію: сравни выраженія *сидля сидѣть* и *сидя сидѣть*.

Формы на *мя* въ памятникахъ русскаго языка начинаютъ встрѣчаться довольно поздно: первый извѣстный намъ случай ихъ употребленія находится въ сѣверно-великорусской Духовной XVI вѣка: *тремя* участка¹⁾; тѣмъ не менѣе ихъ нельзя считать образованіями поздняго времени. Ударяемое *я* въ русскомъ языкѣ можетъ восходить только или къ *ја*, или, какъ въ настоящемъ случаѣ, — къ *я*²⁾. Это подтверждаютъ сербскія формы множ. ч. на *ме*, которыя употребляются, подобно нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ русскыхъ, въ значеніи и дательнаго, и творительнаго падежей отъ мѣстоименій и именъ прилагатель-

1) Акты Юрид., 442. Въ Требникѣ графа Шереметева, изданномъ Обществомъ древней письменности (N XXIV—LXIII) и относящемся къ памятникамъ новгородскаго нарѣчія XIV вѣка, мы находимъ слѣдующую форму дат. п. множ. ч.: утѣшеніе *скорбящимя* и *плѣщимся* увѣтъ (126). Къ сожалѣнію, эта форма — въ своемъ родѣ единственная изъ извѣстныхъ намъ древнихъ формъ, и мы не можемъ ручаться, что *я* въ ней не описка.

2) Великорусск. *нелзѣи*, *опосля*, *окромѣ* могутъ подать поводъ думать, что въ русскомъ языкѣ нѣкогда имѣло мѣсто образованіе *я* изъ *ъ* (подъ удареніемъ); но въ *нелзѣи* не *ъ* перешло въ *я*, а въ выраженіи *не лзѣтъ*, (собственно *нѣ лзѣтъ*), подѣ влияніемъ выраженій *не мѣсто*, *не досугѣ*, *не время* и т. п., форма имен. п. (неправильная) замѣнила собою форму дат.—мѣстн. п.; въ *опосля*, *окромѣ я*, быть можетъ, восходить къ праславянскому періоду; сравни малорусск. (укр.) *нісля*, польск. *krómią*, ц. слав. и др. русск. *нынѣ*, кашебск. *пупіа* (Гильфердингъ, Ост. слав., 84) и друг. Что касается до встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусск. говорахъ формъ *прѣснои* (=прѣсный), *слѣтъ* (Колосовъ, Обзоръ, 17), *мльч* (=мечь), *помялышко* (=помѣлышко) (Рыбниковъ, I, 66, 286) и т. п., то видѣтъ въ нихъ переходъ ударяемыхъ *ъ* и *е* въ *я* нѣтъ никакой надобности: въ тѣхъ же говорахъ замѣчается переходъ *я* въ *е*, и чередованіе формъ *грѣтъ* и *грлѣтъ*, *чеща* и *чаща*, естественно, вызвало чередованіе *слѣтъ* и *слѣтъ*, *мечь* и *мльч*.

ныхъ: дат. п. *тимае, ониме, свијеме, друзиме, мнозијеме* (XV—XVI вѣка); твор. п. *вашиме, свијеме, кијеме, влажниме, жудниме, злиме* (XVI—XVII вѣка) ¹⁾. Видѣть въ конечномъ *е* этихъ формъ какой-то неорганической прида-токъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ явившійся, какъ это дѣлають Даничичъ и другіе, мы не находимъ возможнымъ; по нашему мнѣнію, это *е* есть такой же рефлексъ праславянскаго *л*, какъ и русское *л* ²⁾.

Тамъ, гдѣ употребленіе формъ на **ма* наиболѣе обширно, т. е. въ сербскомъ языкѣ и сѣверно-великорусскомъ нарѣчій, мы замѣчаемъ взаимное смѣшеніе формъ дат. и твор. п. мн. ч. Какое собственное значеніе формъ на *ма*? Дательный—творительный падежъ. Относительно принадлеж-ности имъ значенія твор. п. не оставляютъ никакого сомнѣнія южно-в. русск. *двумя* и др.; что же касается значенія дат. п., то мы считаемъ его принадлежащимъ формамъ на **ма* на слѣдующемъ основаніи: въ однихъ сѣв.-в. русскихъ говорахъ (какъ и въ сербскомъ языкѣ) формы дат. п. мн. ч. употребляются въ значеніи тв. п., а формы твор. п. — въ значеніи дат. п.: съ *дровамъ, съ вамъ, къ нами, по полями*; въ другихъ, въ томъ числѣ въ шенкурскомъ и вятскомъ, употребленіе формъ твор. п. въ значеніи дат. п. неизвѣстно; форма *има* въ этихъ послѣднихъ говорахъ употребляется въ значеніи и дат. п. ³⁾. Относи-

¹⁾ Даничић, Историја облика, 197, 200, 207.

²⁾ Съ этимъ *е* не имѣетъ ничего общаго по образованію *е* въ род. — мѣстн. п. мн. ч. *ниже* и дат. — мѣстн. (собственно мѣстн.) и творит. п. ед. ч. *коме, њиме* и т. п.; въ *ниже* оно явилось подъ вліяніемъ дат.—твор. п. мн. ч. *ниме*, а въ *коме* (мѣстн.) и *ниме* (творит. п. ед. ч.) оно произошло изъ ударяемаго *ъ*; сравни русск. *ономѣ—дни* = *ономъ дни*, литовск. *tatė, tītė* и т. п. Что *ъ* въ сербск. языкѣ не вездѣ слилось съ *ъ*, это видно между прочимъ изъ формъ *коњ, оањ, нањ, поњ* и др. Ниже мы представимъ еще примѣръ сербскаго *е* изъ ударяемаго *ъ*.

³⁾ Колосовъ, Записки Ак. Н., XXVIII, 74; XXX, 50; Обзоръ, 235.

тельно числа, которому принадлежать формы на *мѧ, едва ли можетъ быть сомнѣніе: въ сербскомъ языкѣ употребле- ніе формъ на *ме* въ значеніи формъ двойств. ч. никогда не было извѣстно, хотя остатки двойств. ч. существовали еще въ то время, къ которому относятся выписанныя на- ми раньше формы на *ме* ¹⁾.

И такъ, русско-сербскія формы на *мѧ — формы дат. твор. п. множ. ч.

Сравнивая эти формы съ формами другихъ индо-евро- пейскихъ языковъ, мы не можемъ не замѣтить, что они родственны съ формамъ множ. ч.: др. инд. дат.-отлож. п. на *bhjas*, лат. дат.-отлож.-твор. п. на *bus*, др. прусск. дат. п. на *map*, литовск. дат. п. на *mus*, *ms* и слав. дат. п. на *мъ*; особенно же близко родственны они съ латинскими формами дат.-отлож.-твор. п. на *bis* (*nobis* изъ *nobeis*) ²⁾: и тѣ и другія — формы исключительно мѣстоименныя (въ славянскомъ языкѣ имена числительныя послѣдовали въ нѣкоторыхъ падежахъ мѣстоименіямъ); и въ тѣхъ и въ другихъ формахъ первоначальное *a* перешло въ *e*, которое въ праславянскомъ языкѣ вошло въ составъ *д*. Въ то вре- мя, какъ славянскія формы на *мъ*, точно такъ же, какъ и др. прусск. на *map*, лит. на *mus*, *ms*, сохранили значе- ніе только дат. п., — формы на *мѧ* сохранили, кромѣ того, значеніе отложит. п., слившася въ данномъ случаѣ съ твор. п., и этимъ объясняется ихъ двойное употребленіе какъ формъ и дат., и твор. п.

Можно предположить, что двойное употребленіе формъ на *мѧ было причиною того взаимнаго смѣшенія формъ дат. и твор. п., которое мы замѣчаемъ въ сербскомъ язы- кѣ и въ сѣв.-великорусск. нарѣчіи, и которое почти не встрѣчается въ другихъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ.

1) Данцигъ, Исторія, 231—236.

2) Полагаемъ, что *nobeis* вѣрнѣе возводитъ къ индо-евр. формѣ на *bhjam*, чѣмъ къ индо-европ. формѣ на *bhims*, *bhis*: *ei* въ *nobeis* могло замѣнить *iē* (**nobiēs*) подъ вліяніемъ дат. п. ед. ч. *tibi*. Ср. Schleicher, *Compend.*, 569.

Кромѣ формъ на *мя* въ русскомъ языкѣ существуютъ еще формы твор. п. мн. ч. па *ме* (*мль?*) и *мы*.

Формы на *ме* извѣстны очень мало: Договоръ Смоленскаго князя Мстислава съ Ригю 1229 года: передъ *судіа-ме* ¹⁾, современное онежск. села съ *поселкаме* ²⁾; сюда же можетъ быть отпесепо приведенное выше виленск. *веселенькимя*. Въ виду малочисленности данныхъ, объ этихъ формахъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Если предположить, что они по суффиксу тождественны съ нарѣчными формами на *мль*: ср. болг. *вельмль*, ст. сербск. *малъмль*, *тръзмль* ³⁾, современн. словенск. *vekomé*, ст. чешск. и современн. словацк. *velmě*, малорусск. (Кобринск. у.) *вельме*, то *судіа-ме* надо считать = *судіа-мль* и въ *мль* можно видѣть особый суффиксъ твор. п. мн. или дв. ч. ⁴⁾; но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что нарѣчія *вельмль* и др. произошли изъ *вельми* или *вельма*, гдѣ *и* или *а* замѣнилось *ль*^{с-мъ} подъ вліяніемъ формъ *крънъмль*, *добрль*; сравни чешск. *darma*, *kolma* (изъ *darma*, *kolma*), образованныя по образцу *ского*.

Формы на *мы* извѣстны въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: онежск. *дъвушкамы*, *молодушкамы*, *городамы*; въ настоящее время они принадлежатъ только именамъ существительнымъ, по нѣкогда ихъ имѣли и имена прилагательныя: новгородская грамота 1459—1470 г.: *малымы* островки ⁵⁾, Ипатьевскій епископъ лѣтописи: *околымы* сторонами ⁶⁾. Сюда же относится одна бѣлорусская нарѣчная форма: литовск. грамота 1350 года *вълмы* ⁷⁾, со-

1) Собрание госуд. грамотъ, II, 3.

2) Рыбниковъ, III, 372.

3) Miklosich, Lexicon (2-е издание).

4) Прусикъ думаетъ, что *мль* въ ст. чешск. *velmě* восходитъ къ тому же суффиксу, къ которому восходитъ и *ма* въ *вельма*. Archiv für Slav. Phil., II, 702.

5) Акты Археогр. Эксп., I, 47.

6) Лѣтопись по Ипатск. сп., 613.

7) Головацкій, Памятники, 4.

временн. *вельмы* ¹⁾, а также польскія (варшавскія и куявскія) формы *погату*, *геґкату* ²⁾. По нашему мнѣнію, всѣ эти формы—новообразованія, явившіяся изъ формъ на *ми* подъ вліяніемъ формъ твор. п. мн. ч. на *ы*: *сыны*, *сєлы*, и не имѣющія ничего общаго съ формами на **мд* ³⁾.

IV.

Дательный, творительный и мѣстный падежи множественнаго числа именъ съ основою на *н*.

На первыхъ страницахъ нашей такъ называемой Начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ слѣдующія формы множ. ч. етъ именъ существительныхъ на *яинъ*, *пшинъ*: дат. п. *Вавилонямъ*, твор. п. *Древлями*, мѣстн. п. въ *Поляхъ*, въ *Древляхъ*, на *Съверяхъ* (сравни *Съверены* = *Съверны*). Приведенныя формы находятся въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи ⁴⁾; подобныя имъ имѣются и во всѣхъ другихъ спискахъ. Если мы обратимся къ другимъ славянскимъ языкамъ, то увидимъ, что такія формы существовали, а отчасти и въ настоящее время существуютъ въ языкахъ сербскомъ, словинскомъ и чешскомъ; именно въ древне-сербскихъ памятникахъ мы находимъ: дат. п. *граѣамъ*, *Дубровычамъ*, *Дѣтьчамъ*; твор. пад. *Бошнами*, *Дубровцами*; мѣстн. п. *Височахъ*, *граѣахъ*, *Дѣахъ*, *Заборахъ*, *Комарахъ* ⁵⁾; въ современн. словинск. языкѣ мы встрѣчаемъ: дат. п. *Goričam*, *Svéčam*; тв. п. *Goričami*, *Svéčami*; мѣстн. п. *Goričach*, *Svéčach* ⁶⁾; въ древне-чешскомъ: мѣстн. п. *Vraňách* ⁷⁾; нѣкоторыя др. чешскія формы этого рода суще-

¹⁾ Шейнъ, Бѣлор. п., 255.

²⁾ Бодуэнъ-де-Куртенъ, О древне-польскомъ языкѣ, 68.

³⁾ Сравни Kuhn's Beiträge, VI, 176.

⁴⁾ Повѣсть временн. лѣтъ, 10, 11, 7, 9, 16.

⁵⁾ Даничић, Исторія, 95, 118, 135.

⁶⁾ Miklosich, Vrgl. Gr., III, 134.

⁷⁾ J. Jireček, Nákras mluvnice staročeské, 19.

ствують и до сихъ поръ въ видѣ нѣмецкихъ мѣстныхъ названій: Dreulach и т. п. ¹⁾). Надо полагать, что такія формы существовали и въ церковно-славянскомъ языкѣ; въ этомъ насъ убѣждаетъ форма дат. п. *Содомлямъ*, находящаяся съ одной стороны въ русскомъ Архангельскомъ Евангеліи 1092 года ²⁾, съ другой—въ сербскомъ Никольскомъ Евангеліи ³⁾, къ которой можно присоединить формы: дат. *Гоморамъ* въ Никольскомъ Ев. ⁴⁾ и *Троямъ* въ Хронографѣ Манассіи ⁵⁾, мѣстн. п. *Румльхъ* въ Остромировомъ Ев. (сѣааго мѣка Климента *Румльхъ* = Κλήμεντος ῥωμαίου) ⁶⁾ и въ сербской Миней XVI вѣка (въ *Римльхъ* = arud Romanos) ⁷⁾, въ *Висльхъ* въ Паннонскомъ житіи св. Меодія по русскому списку ⁸⁾; въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ за форму имен. п. надо принимать *Румльнинъ*, *Римльнинъ*, *Висльнинъ*.

Изъ вышесказаннаго видно, что формы *Полямъ*, *Полями*, *Поляхъ*—формы праславянскія.

Исслѣдователи даютъ имъ различныя объясненія. Шафаркъ считаетъ ихъ происшедшимъ изъ формъ *Полянамъ* и т. д. чрезъ выпускъ суффикса *an* ⁹⁾. Даничичъ видитъ въ нихъ остатки склоненія основъ на согласный и объясняетъ ихъ такимъ образомъ: при присоединеніи къ основѣ суффиксовъ *мъ*, *ми*, *хъ* конечный согласный основы—и ассимилировался съ *м* или *х* суффикса и затѣмъ былъ выброшенъ ¹⁰⁾. Миклошичъ отрицаетъ всякую связь указанныхъ формъ съ формами *Поляне*, *Полянъ* и считаетъ ихъ

1) Id., Archiv f. Sl. Phil., II.

2) Дювернуа, Ж. М. II. Пр. 1878, X, 186.

3) Miklosich, Lexicon, v. *Содомляннъ*.

4) Ibid.

5) Miklosich, Vrgl. Grammatik, III, 16.

6) Остромирово Ев., 242 об.

7) Miklosich, Lexicon, v. *Римъ*.

8) Ibid., v. *Висли*.

9) Elemente der altböhmisches Grammatik, 38.

10) Историја, 95, 118, 135.

происшедшими отъ основъ на *ja* (им. п. ед. ч. **Поля*) 1).

Что касается до объясненія Шафарика, то несостоятельность производства формы *Полямъ* изъ формы *Полянамъ* видна уже изъ того, что послѣдней формы ни въ церковно-славянскомъ, ни въ древне-русскомъ (до XIV вѣка) языкахъ не существовало; поэтому мы остановимся только на объясненіяхъ Даничича и Миклошича и прежде на объясненіи послѣдняго.

Между словамъ, обозначающими названія народовъ, въ русскомъ, какъ и вообще въ славянскомъ языкѣ, дѣйствительно существуютъ слова женскаго рода на *а, я, ъ*: *Морава, Меря, Русь*; со вторымъ изъ нихъ должно быть одинаково предполагаемое Миклошичемъ **Поля*. Какъ употребляются эти слова на тѣхъ же странахъ Начальной лѣтописи, гдѣ находятся формы *Полямъ* и т. п., можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: начаша воевати на *Марау* и на Чахи; пріяша Угри и *Марава*, Чеси и Ляхове; преложены книги *Маравь*; Мефодіи оста в *Маравь*; цмаху дань Варязи... на *Чюди* и на *Словѣпехъ*, на *Мери* и на *всѣхъ Кривичѣхъ*; поимъ... Варязи, *Чюдь*, *Словѣпц*, *Мерю*; поляца всю *Русь*; собра... Варязи и *Словѣпци*, *Чюдь* и *Кривичи* 2); эти слова, какъ и другія имена собирательныя, склоняются только въ единственномъ числѣ 3). Правда, можно указать въ Лаврентьевскомъ спискѣ форму мн. ч. в *Моравы* бо ходилъ 4), но она находится въ мѣстѣ ис-

1) Vgl. Gram., III, 16, 291. Сравни впрочемъ *ib.*, 208.

2) Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку, 17, 18, 13, 15, 13, 47.

3) Имена собирательныя на *а* и *я*, не означающія названій народовъ, въ XIV вѣкѣ начали уже употребляться въ формахъ множ. ч.; первый извѣстный намъ примѣръ такого употребленія находится въ Духовной Ивана Калиты 1328 года: по *попьямъ*, по *вспмъ попьямъ* (им. п. ед. ч. *попья*; сравни *князья*, *княжья*). Собр. гос. гр. I, 32. Замѣтимъ кстатц, что формы *Дерева* (иде в *Дерева*), *Деревьхъ* (Пов. вр. л. по Лавр. сп. 28, 29)—винит. и мѣстн. п. мн. ч. отъ *дерево* и не имѣютъ ничего общаго съ разсматриваемыми нами формами.

4) Повѣсть врем. лѣтъ, 18.

порченномъ, какъ видно изъ контекста Ипатьевского списка: *Моравы* бо доходилъ, гдѣ *Моравы* — род. п. ед. ч.; въ Ипатьевскомъ спискѣ находимъ также форму мн. ч.: имаху дань Варязи на Чюди и на Словѣнехъ и на *Млряхъ* и на всѣхъ Кривичѣхъ, но *Млряхъ* — позднѣйшая поправка, какъ видно изъ соответствующаго мѣста Лаврентьевскаго списка (приведено выше). Итакъ, если слова *Моравы*, *Меря*, *Русь* склоняются въ Начальной лѣтописи только въ единственномъ числѣ, то нѣтъ никакого основанія думать, чтобы однородныя съ ними слова **Поля* и т. п. могли употребляться п во множ. ч. Сверхъ того, формы ед. ч. **Поля*, **Поля*, **Поли* и т. д. и мн. ч. **Поля* (им. п.), **Поля* (род. п.) или имъ подобныя ни въ одномъ славянскомъ нарѣчїи неизвѣстны. Форма *Норича*, падающаяся въ русской Палеѣ XIV вѣка (отъ Афета же си суть рожешїися языци... Мидои, Каподокїи..., *Норича*, иже суть Словѣни ¹⁾), — если не описка, то форма им. (собственно вѣнпт.) п. мн. ч. = ц. слав. **Норича* (им. п. ед. ч. *Норичь*, какъ *Кривичь*). Современныя словицкія формы вѣнпт. п. мн. ч. *Goriče*, *Svéče* принадлежатъ къ числу новообразованій и явились благодаря формамъ *Goričam*, *Goričami*, *Goričach* и т. п.

Въ виду этого мы не можемъ принять объясненія Миклошича.

Что касается до объясненія Дацичича, то мы можемъ принять его въ главной его части. Им. п. мн. ч. *Поляне*, род. п. *Полянъ* (сравни *камene* и *каменъ*) ясно показываютъ, что слово *Поляне* имѣетъ основу на согласный звукъ (п); на то же указываетъ и чередованіе въ другихъ падежахъ формъ, подобныхъ *Содомлянemъ* (Зографское Ев.) и *кръстьяномъ* (Клоц. Гл.), *Егюптлнн* (*ibid.*) ²⁾ и *Древляны* (Нач. лѣтопись), встрѣчающееся только въ склоненіи именъ съ основою на согласный: тв. п. мн. ч. *каменьми* и *камены*.

¹⁾ Извѣстія, X, 670.

²⁾ Miklosich, Vgl. Gr., III, 15.

Въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ въ склоненіи основъ на п мы находимъ слѣдующія формы:

	др. инд.	др. бактр.	греч.
дат. п.	аṣtabhjas	аṣtabjô	
твор.	аṣtabhis		
мѣстн.	аṣмасу	аṣтаһу	ἀχμῶσιν
	(основа аṣтап)		(основа ἀχμῶν).

Этимъ формамъ вполне соотвѣтствуютъ слав. *Полямъ* (изъ **Полян-мъ*), *Полями* (изъ **Полян-ми*), *Поляхъ* (изъ **Полян-хъ*). Выпаденіе *и* можно бы считать происшедшимъ здѣсь еще въ индо-европейскій періодъ, но чешскій языкъ сохранилъ формы, показывающія, что оно произошло (по крайней мѣрѣ въ мѣстномъ п.) уже на славянской почвѣ. Въ древнѣйшихъ его памятникахъ мы находимъ формы мѣстн. п. Lužás, Dolás, Lubčás, Wrbčás, Břěžás, Komògás и т. п. ¹⁾: сохраненіе *с* (изъ индо-европ. *s*), между двумя гласными почти постоянно переходящаго въ *ж*, указываетъ на то, что передъ этимъ *с* находился нѣкогда другой согласный звукъ, именно *и*. Эти чешскія формы, конечно, древнѣе формъ *Поляхъ* и т. п. (хотя и эти послѣднія — праславянскія) и относятся къ нимъ точно такъ же, какъ форма 1 лица ед. ч. ц.-слав. аориста *приѣхъ* относится къ формѣ *приѣхъ*: и *Поляхъ*, и *приѣхъ* — новообразованія, обязанныя своимъ происхожденіемъ аналогіи формъ *рабъхъ*, *несохъ* и т. п.

V.

Родительный и винительный, дательный и мѣстный падежи единственнаго числа мѣстоименій личныхъ и возвратнаго.

Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ существуютъ формы дат. п. *тъ, съ*: я *тъ* дамъ, я женю *съ* ²⁾;

¹⁾ Schafarik, Elemente, 38.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ сѣв.-в. русск. говорахъ, вмѣсто *съ*,

съ ними одинаковы по образованію малорусскія (украинск. и галицк.) *мі, ті, сі*. Подобныя формы, въ генетическомъ отношеніи независимыя отъ русскихъ, существуютъ въ языкахъ сербскомъ (грло *те* болело!), чешскомъ (*tě*), моравскомъ¹⁾, польскомъ²⁾. Колосовъ и Миклошичъ находятъ возможнымъ считать великорусскія формы *тль, слъ* образованными изъ *тель, сель* чрезъ стяженіе³⁾, но противъ такого объясненія говорятъ уже то обстоятельство, что формы *тль, слъ* употребляются и въ тѣхъ южно - в. русскихъ говорахъ, въ которыхъ (какъ въ московскомъ) формы *тель, сель* пепзвѣстны. По нашему мнѣнію, в. русск. и бѣлорусск. *тль, слъ*, малорусск. *мі, ті, сі* произошли вслѣдствіе вліянія на формы *ми, ти, си* формъ *миль, тебль, себль*: *ль* этихъ послѣднихъ перешло въ формы *ми, ти, си* и замѣнило въ нихъ собою *и*.

Насколько древни эти формы, трудно рѣшить. Возможно, что въ русскомъ языкѣ они существуютъ съ давняго времени; на это указываетъ форма *те* (се пишу къ *те*, чадо узлюбленное), которая намъ попалась въ поученіи черноризца Георгія по южнорусскому списку XIII вѣка⁴⁾; но эта форма крайне рѣдкая и уже по этому одному весьма сомнительная.

Въ южно - в. р. и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ форма *тль*

слышится *сѣ* (Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXX, 44).— Что въ женю *слъ, слъ*—форма дат. п., на это указываетъ *си* въ женюси. Въ древности съ дат. п. возвратнаго мѣстоименія соединялись только нѣкоторыя глаголы, управлявшіе дат. п. (напримѣръ, ц. слав. *сѣжалити си*), но впоследствии форма дат. п. возвратнаго мѣстоименія перешла къ глаголамъ, управлявшимъ внп. п., и на оборотъ, форма внп. п. возвратнаго мѣстоименія—къ глаголамъ, управлявшимъ нѣкогда дат. п. (*сѣжалиться*).

1) Šembera, Zakladové dialektologie česko-slovenské, 36.

2) Malinowski, Beiträge z. Slav. Dialektologie, 50.

3) Обзоръ, 234; Vgl. Gramm., III, 303.

4) Срезневскій, Свѣд. и Зам., VII, 161 (Зап. Ак. Н. IV).

Что этотъ списокъ южно-русскій, видно изъ написаній *повчильне, весталье* и т. п.

употребляется не только въ значеніи дат., но и въ значеніи род.-вин. п., конечно, вслѣдствіе вліянія именныхъ формъ род.-винит. па ль: ю.-в. р. волкъ *тъ съѣшь*, бѣлор. у *ць*.¹⁾

Въ сѣверно-в. русскомъ нарѣчіи и цемногихъ говорахъ южно-в. русскаго употребляются формы род. п. *тіа, сіа, теля, сея* и дат. п. *тіль, сіль, тель, сель, толь, соль*²⁾, неизвѣстныя ни въ памятникахъ великорусскаго нарѣчія стараго времени, ни въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ. Гг. Потенія³⁾, Колосовъ⁴⁾ и Миклошичъ⁵⁾ считаютъ ихъ происшедшими изъ формъ *тебя, себя, тебѣ, себѣ* чрезъ выпускъ б; но б въ русскомъ языкѣ между гласными никогда не выпадаетъ (одинъ примѣръ *баушка*, вмѣсто *бабушка*, ничего не доказываетъ), а потому объясненіе названныхъ ученыхъ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. По нашему мнѣнію, эти формы образовались инымъ путемъ. Къ формамъ дат. п. ед. ч. *ти, си*, подъ вліяніемъ формъ *тебѣ, себѣ*, присоединилось окончаніе этихъ послѣднихъ—*ль*, и такимъ образомъ они дали формы *тіль, сіль*, по образованію такія же, какъ и русск. *двухъ*, польск. *dwuch*, *obuch*, образованныя чрезъ присоединеніе къ окончанію род. п. дв. ч. *у* окончанія род. п. мн. ч. *хъ*; словинск. тв. п. ед. ч. *gibum*, *ženum*, образованныя чрезъ присоединеніе къ окончанію тв. п. ед. ч. *и* (=ц. слав. *омъ*) окончанія

¹⁾ Шейнъ, Бѣлор. п., 280.

²⁾ Ежегодникъ Владимирск. Губ. Стат. Комит. I, 85, 86 (меленковск. говоръ); 122, 123, 125 (муромск.); Кирѣевскій, I, 34, 38 (нижегородск.); Этн. Сб., I, 143, 161 (ситск.); II, 4 (пошехонск.) и др. Формы *толь, соль* (произносятся *таъ, саъ*) извѣстны только въ говорѣ новосильскомъ, Тульской губ. (Этн. Сб. II, 99).

³⁾ Два изслѣдованія, 90.

⁴⁾ Обзоръ, 196.

⁵⁾ Vgl. Gramm., III, 303.

того же пад. *m* (= ц. слав. *mb*); моравск. 3 л. мн. ч. *zvoniju, strojiju* ¹⁾, образованныя чрезъ присоединеніе къ окончанію 3 л. мн. ч. *i* (= ц. слав. *л*) окончанія *u* (= ц. слав. *ж*), и друг. Формами дат. п. *тіь, сіь* были вызваны къ существованію формы род. *тія, сія*, съ окончаніемъ формъ *тебя, себя*.

Формы *теь, тея, сеь, сея* или образовались изъ *тіь* и пр. подъ вліяніемъ формъ *тебь* (какъ *тоь, соь* — подъ вліяніемъ *тобь, собь*), или въ ихъ основаніе легли не формы *ти, си*, а формы *ть, сь*.

Въ сложеніи съ глаголами формы возвратнаго мѣстоименія, вмѣсто *ся, си, сѣ* (изъ *сп*), иногда звучать *са, сы, со*: билса, билсы, билсо. Изъ этихъ формъ первая распространена въ разныхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія (встрѣчается изрѣдка и въ малорусскомъ: обещавса ²⁾); вторая памъ извѣстна изъ пошехонскаго ³⁾, третья — изъ онежскаго и мезенскаго ⁴⁾ говоровъ. Въ старинныхъ памятникахъ русскаго языка формъ *сы* и *со* намъ не встрѣчалось, форма же *са* въ нихъ сравнительно не рѣдкость, начиная съ XIV вѣка; къ нему относится Сильвестровскій сборникъ, въ которомъ мы читаемъ: насладиса ⁵⁾.

Изъ ученыхъ на эти формы обратилъ вниманіе только Колосовъ; онъ призналъ ихъ происшедшими изъ формъ *ся, си, сѣ* путемъ отвердѣнія *с* ⁶⁾. Мы можемъ согласиться только съ первою частью этого объясненія: формы *са, сы, со* дѣйствительно образовались изъ формъ *са, си, сѣ*; но мы должны отвергнуть вторую его часть; отвердѣніе *с*, какъ

¹⁾ Sušil, Moravské nar. p., 23.

²⁾ Труды этн.-ст. Эксп., II, 16 (Заславск. у.).

³⁾ Этн. Сб., II, 7.

⁴⁾ Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXX, 44.

⁵⁾ Извѣстія, X, 650.

⁶⁾ Обзоръ, 155—156.

признаетъ самъ Колосовъ, совершенно неизвѣстно въ русскомъ языкѣ, ни въ древнемъ, ни въ новомъ ¹⁾).

Наше мнѣніе о происхожденіи этихъ формъ таково. Какъ скоро конечные глухіе звуки *ѣ* и *ь* стали исчезать изъ произношенія, — падежныя формы возвратнаго мѣстоименія, присоединяясь къ глаголу въ 3 лицѣ ед. и мн. ч. и къ супину, соприкасались непосредственно съ конечнымъ *т* глагола (мягкимъ, или твердымъ, — все равно), и с мѣстоименія подвергалось ассимиляціи съ этимъ *т*, результатомъ которой былъ переходъ *с* въ *ц*, первоначально, конечно, мягкое: *бѣтцѣ*, *бѣтци*, *бѣтцѣ*. По памятникамъ *ц* изъ *с* извѣстно намъ только съ XV вѣка, но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что оно явилось гораздо раньше. Это *ц* имѣло ту же судьбу, что и всякое другое *ц* (изъ *к*), т. е. въ нѣкоторыхъ говорахъ, во всѣхъ или только въ немногихъ случаяхъ, подверглось отвердѣнію; такимъ образомъ явились формы *бѣтца*, *бѣтцы* ²⁾, *бѣтцо* ³⁾. Твердость согласнаго звука сообщилась отъ нихъ и тѣмъ формамъ возвратнаго мѣстоименія, въ которыхъ *с* сохранилось, т. е. при *бѣтца* явилось *билса*, при *бѣтцы* — *билсы* и т. д.

Какъ форма *ся* въ сокращеніи звучитъ *сь*: *бьюсь*, такъ форма *са* звучитъ *сь*: *бьюсь*.

Изъ другихъ славянскихъ языковъ формы, подобныя русскимъ *са*, *сы*, *со*, встрѣчаются только въ словацкомъ и въ верхне-лужицкомъ, именно въ первомъ *sa*, во второмъ *so* (=ц. слав. *са*); они, очевидно, не находятся въ связи съ русскими формами, и потому мы не имѣемъ надобности говорить объ ихъ образованіи.

¹⁾ Намъ могутъ указать на слова *суда*, *отсуда*, какъ на происшедшія изъ *сюда*, *отсюда* чрезъ отвердѣніе *с*. Но *суда* и *сюда* — слова разнаго происхожденія; сравн. ц. слав. *сжду*, др. русск. *ѣсудь* (Архангельск. Ев.; Амфилохій, Описаніе, 23).

²⁾ Этнограф. Сб., II, 7.

³⁾ Колосовъ, Зап. Ак. Н. XXX, 44.

VI.

Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ
и мѣстоименій.

Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ раздѣляется на два вида: къ первому относятся тѣ падежныя формы, которыя образованы чрезъ присоединеніе падежной формы члена (мѣстоименія *и*) къ соответствующей формѣ имени или мѣстоименія; ко второму относятся тѣ, которыя произошли путемъ присоединенія падежной формы члена къ одной изъ той же формѣ имени или мѣстоименія. Къ какому виду относятся существующія въ современномъ русскомъ языкѣ формы членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій?

Что касается до имен. и вин. п. всѣхъ чиселъ и родовъ, то ихъ формы принадлежатъ несомнѣнно къ первому виду: в. русск. *слной*, бѣлор. *слныйі*, малор. *слтий* и т. д. есть не что иное, какъ *слнъ-и* и т. д. ¹⁾.

Формы род. п. ед. ч. муж.-ср. р. оканчиваются въ сѣв.-в. р. нарѣчіи на *ово*, *ова*, въ южн.-в. р. на *ова* (если удареніе на второмъ отъ конца слогѣ) и *ава* (если на этомъ слогѣ ударенія пѣть), въ бѣлор. *ога* и *ага* (условіе существованія *о* или *а* такое же, какъ въ южно-в. р.), въ малор. *ого*. Принимая въ соображеніе, что формы на *ава*, *ага* извѣстны только въ акающихъ нарѣчіяхъ, мы должны признать:

1) что въ основѣ современныхъ русскихъ формъ род. п. ед. ч. муж.-ср. р. лежитъ форма *ого*;

2) что южно-в. р. и бѣлор. формы на *ава* и *ага* принадлежатъ къ числу рефлексовъ *ея*, а не формы на *аго*, и

3) что этой послѣдней формы (или *ея* рефлексовъ) въ современномъ русскомъ языкѣ не существуетъ.

¹⁾ Все, что мы говоримъ о формахъ на *ый*, *ой*, *ого*, *аго* и пр. относится, *mutatis mutandis*, и до формъ на *ій*, *ей*, *его*, *лю* и пр.

Противъ послѣдняго вывода, повидимому, говорятъ фамиліи *Блѣаго*, *Живѣаго*, *Мертвѣаго* (произносятся такъ, какъ пишутся), представляющія формы род. п. ед. ч. муж. р. отъ именъ прилагательныхъ, но они, какъ показываетъ сохраненіе *г* и удареніе на второмъ слогѣ, не могутъ считаться чисто русскими: въ основу ихъ легли русскія правописныя формы *блѣаго*, *живѣаго*, *мертвѣаго* и существующее произношеніе установилось гдѣ-нибудь среди Поляковъ, подъ вліяніемъ польскаго языка. Сравни вполнѣ русскія фамиліи *Мѣлово*, *Соловѣво*, *Хитровѣ* (вм. *Хитрово*) и др.

Формы на *ою*, очевидно, не имѣютъ ничего общаго по образованію съ формами на *аю* и относятся ко второму виду.

Что касается до древне-русскаго языка, то въ памятникахъ его извѣстны формы и па *аю*, и па *ою*: надписи на антиминѣ 1149 года: *новгородьскаго*, *ростовьскыю* ¹⁾, новгородская грамота 1189—1199 г.: *старою* ²⁾, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что первыя встрѣчаются по преимуществу въ тѣхъ памятникахъ, въ языкѣ которыхъ болѣе или менѣе сильно чувствуется церковно-славянскій элементъ; въ другихъ же (въ грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера) они очень рѣдки. Поэтому можно думать, что формы на *аю* въ живомъ древне-русскомъ языкѣ въ историческое время его существованія или существовали въ незначительномъ числѣ, или, что болѣе вѣроятно, совсѣмъ не существовали. Замѣтимъ, что современные славянскіе языки, имѣющіе формы на *ою* (сербск., словинск., верхне-лужицк. яз.), не знали и не знаютъ формъ на *аю* или ихъ рефлексовъ ³⁾.

1) Извѣстія, X, 96.

2) Русско-Лив. Акты, I.

3) Въ древнихъ сербскихъ грамотахъ изрѣдка встрѣчаются и формы на *аю*, но ихъ (какъ и нѣкоторыя другія находящіяся тамъ формы) не слѣдуетъ признавать за чисто-сербскія, какъ показываетъ конечное *о*.

Формы род. п. ед. ч. женск. р. въ современномъ русскомъ языкѣ существуютъ въ двухъ видахъ: 1) на *оль* и 2) на *ыль* съ ихъ рефlekсами. Формы на *ыль* теперь встрѣчаются (почти исключительно въ пѣсняхъ) въ парѣчіяхъ великорусскомъ, бѣлорусскомъ и очень рѣдко въ малорусскомъ, приче́мъ на *ы* лежитъ иногда удареніе; въ русскихъ грамотахъ и актахъ, до XVII вѣка включительно, мы находимъ ихъ очень часто, напримѣръ: у *перяяславскіе* соли (московск. гр. 1432 г.), отъ *Архангельскіе* деревни (устюжск. гр. 1555 г.), *такіе ложные воровскіе духовные* писать не велѣтъ (суздальская гр. 1646 г.) ¹⁾. Они одного образованія съ ц. слав. на *ына* и принадлежатъ къ первому виду склоненія членихъ именъ прилагат. и мѣстоименій (*ыль* изъ *ы + ель*).—Формы на *оль* не имѣютъ ничего общаго съ формами на *ыль* и извѣстны въ русскомъ языкѣ съ давняго времени: Успенскій Торжественникъ XII вѣка: съмръти тоѣ *пагубноль*, на мѣстѣ *ветзоль деревноль* (церкви) ²⁾. Они отпоса́тсѣ ко второму виду.

Относительно формъ дат. п. ед. ч. муж.-ср. р. на *ому* не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они принадлежатъ также ко второму виду. Они встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ; напримѣръ, въ Мстиславовомъ Евангеліи XII вѣка мы находимъ: *худому*, въ Монастырскомъ уставѣ того же вѣка: *сѣцному* таинству ³⁾. Съ ними не имѣютъ ничего общаго формы на *уму*, извѣстныя въ церковно-слав. языкѣ и встрѣчающіяся въ тѣхъ русскихъ памятникахъ XI—XIV в., въ которыхъ ц.-славянскій элементъ особенно силенъ; ихъ въ историческую эпоху живой русской языкъ, вѣроятно, не зналъ, какъ не зналъ и не знаютъ языки сербскій, словинскій и верхне-лужицкій, употребляющія только формы на *ому*.

Формы дат. п. ед. ч. женск. р. на *ой* (др. русск. *ои*, малор. *ій*, *уй*) извѣстны съ давняго времени: надпись на

¹⁾ Акты, изд. Калачовымъ, I, 91, 217, 261.

²⁾ Чтенія 1870, I, 12 об., 13 об. (сказ. о Б. и Гл.).

³⁾ Извѣстія, X, 90, 511.

крестъ послѣ 1211 года: давшему... *стои Соѳи* ¹⁾, принадлежать ко второму виду. Формы на *ли*, которыя нерѣдко встрѣчаются въ древне-русскихъ памятникахъ (въ тѣхъ же, въ какихъ встрѣчаются и формы на *аго* и *уму*), въ современномъ русскомъ языкѣ неизвѣстны. Можно предполагать, что въ живомъ древне-русскомъ языкѣ они или существовали въ незначительномъ числѣ, или совсѣмъ не существовали; встрѣчающіяся изрѣдка въ др. русскихъ памятникахъ формы въ родѣ *пррѣчьскли* (Златоструїи XII в.) ²⁾, подобныхъ которымъ нѣтъ въ ц. слав. языкѣ, не могутъ говорить противъ послѣдняго предположенія, такъ какъ они могли произойти чрезъ присоединеніе къ русск. формѣ *пророчьскои* ц. слав. окончанія; сравни перѣдкія въ др. русскихъ памятникахъ формы *бремя*, *преже*, *злото* ³⁾, *новгородьскуому* ⁴⁾, происшедшія чрезъ соединеніе въ одно цѣлое русскихъ и ц. славянскихъ формъ: *бремя* — чрезъ соединеніе рус. *беремя* и ц. слав. *брѣмѣ*, и т. д.

Замѣтимъ, что изъ другихъ славянскихъ языковъ въ настоящее время ни одинъ не знаетъ формъ на *ли*; въ древнѣйшій періодъ они достоверно существовали, кромѣ ц. славянскаго и средне-болгарскаго, только въ чешскомъ языкѣ, и то въ самомъ незначительномъ числѣ ⁵⁾.

Сказанное о формахъ дат. п. на *ой* и *ли* относится и до тождественныхъ съ ними формъ мѣстнаго п.

Относительно формъ твор. п. ед. ч. муж.-ср. р. на *ымѣ* (др. русск. *ымѣ*) и женск. р. на *ою* (*ой*) не можетъ быть сомнѣнія, что они, какъ и тождественныя съ ними формы другихъ славянскихъ языковъ, не исключая и церковно-славянскаго, — относятся ко второму виду.

Формы мѣстн. п. ед. ч. муж.-ср. р. на *омѣ* (др. русск. *омѣ*, малор. *імѣ*, *умѣ*) извѣстны въ русскомъ языкѣ очень

¹⁾ Ibid., 172.

²⁾ Малининъ, Исслѣдованіе о Златоструѣ, 273.

³⁾ Надпись 1161 г. Извѣстія, X, 101.

⁴⁾ Мстиславова Ев. Ibid., 88.

⁵⁾ Schafarik, Elemente, 65.

давно: Договоръ Смоленска съ Ригю 1230 года: на *гѣтъ-сколь бѣръзѣ* ¹⁾, и принадлежатъ ко второму виду. О существованіи въ русскомъ языкѣ формъ на *ль* можно сказать то же, что и о формахъ дат. п. на *ли*. Замѣтимъ, что въ другихъ славянскихъ языкахъ формъ на *ль* неизвѣстно въ настоящее время; въ древности они достовѣрно существовали, кромѣ ц. славянскаго и средне-болгарскаго, только въ чешскомъ языкѣ, и то въ самомъ незначительномъ числѣ ²⁾.

Изъ формъ множ. ч. только одна форма род. п. всѣхъ родовъ (именъ) принадлежитъ къ первому виду (*слѣпыхъ* = *слѣпъ + ихъ*); формы остальныхъ косвенныхъ падежей принадлежатъ ко второму виду. — То же самое мы видимъ и во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ.

Что касается до формъ род.-мѣстн. п. дв. ч., теперь уже не существующихъ, то въ др. русск. языкѣ они оканчивались не только на *ю*, какъ въ ц.-слав. языкѣ, но и на *оу*: Трїодъ постная XI вѣка: отъ *прѣчистоу* руку ³⁾, Мстиславово Ев.: *стою* мчнку ⁴⁾, Успенскій Торжественникъ *стою* и *блаженою* стра^атрьпью ⁵⁾, *стою* мчнку (род. п.), о *стою* мчку (мѣстн. п.) ⁶⁾. Последнія формы принадлежатъ ко второму виду. Существовали ли въ живомъ русскомъ языкѣ формы на *ю*, по цемѣнію данныхъ, нельзя рѣшить.

Формы дат.-тв. п. дв. ч. всѣхъ родовъ на *ьма*, существующія и теперь въ сѣв.-в.-русскихъ говорахъ въ значеніи твор. п. мн. ч., принадлежатъ ко второму виду, какъ и тождественныя съ ними формы другихъ славянскихъ языковъ.

Такимъ образомъ изъ современныхъ русскихъ падеж-

¹⁾ Извѣстія, X, 600.

²⁾ Jireček. Nákras mluvnice st.-české, 31.

³⁾ Ibid., 445,

⁴⁾ Ibid., 115.

⁵⁾ Чтенія, 1879, I, 1.

⁶⁾ Ibid., 1870, I, 9 об.

ныхъ формъ членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій (кромѣ имен. и вишит.) къ первому виду достовѣрно принадлежатъ только двѣ формы род. п.: ед. ч. на *ымъ* и мн. ч. па *ымъ*; всѣ же остальные принадлежатъ ко второму виду, т. е. состоятъ изъ падежныхъ формъ въ соединеніи съ одной и той же формою имени или мѣстоименія.

Обыкновенно полагаютъ, что въ формахъ втораго вида соединяется съ формами члена основа имени или мѣстоименія, т. е. *слыного* состоитъ изъ основы *слыно* и род. п. *его*, *слынымъ* — изъ основы *слынь* и дат. п. *имъ*, и т. п. Но такое объясненіе возбуждаетъ три важныхъ вопроса: 1) откуда взялась въ этихъ формахъ основа, когда они (въ чемъ нельзя сомнѣваться) сравнительно новаго происхожденія? 2) почему въ однихъ падежахъ (передъ *е*) эта основа оканчивается на *о*, а въ другихъ (передъ *и*) — па *ъ*? и 3) почему *о* и *е* стянулись въ одинъ звукъ, когда въ *моею* они не стягиваются? На эти вопросы не существуютъ никакихъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ ¹⁾.

Сопоставленіе формы *слыного* съ формою *слынымъ*, которая состоитъ несомнѣнно изъ *слынь* + *имъ*, показываетъ, что въ составъ *слыного* входитъ также форма *слынь*, тождественная по звукамъ съ нечленною формою им.-вин. п. ед. ч. муж. р. (именъ и мѣстоименій) и род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ (именъ), и *слыного* произошло изъ *слынь* + *его* чрезъ ассимиляцію *ъ* и *е* и затѣмъ стяженіе ихъ въ одинъ

¹⁾ Подробная критика этого мнѣнія въ сочиненіи Лескина Die Declination im Sl.-litauischen, 131—134. Есть другое мнѣніе, по которому формы на *ою* (но не на *ымъ*) представляютъ образованія по образцу мѣстоименныхъ формъ *тою* и др.; но неосновательность его очевидна: долгота *о* въ сербск. *слујепога* (при *тога*) и *е* въ чешск. *slerém* (при *tóm, jém*) показываетъ, что здѣсь стянуты два звука; кромѣ того, помимо долготы *е*, самый этотъ звукъ чешской формы говоритъ противъ приведеннаго мнѣнія.

звукъ — *ô* ¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности представить другіе примѣры подобныхъ ассимиляціи и стяженія. Формъ, гдѣ должны стоять рядомъ *ѣ* и *е*, крайне мало, да и тѣ принадлежатъ къ числу глагольныхъ: др. русск. *мѣшь*, *мѣть*. Здѣсь стяженія *ѣ* и *е* въ *о* не могло произойти, такъ какъ ему препятствовали съ одной стороны тѣ формы, въ которыхъ стяженіе *ѣ* съ послѣдующимъ гласнымъ не могло имѣть мѣста (*мѣю*, *мѣють*), съ другой — потребность рѣзко обозначить корень, отдѣливъ его отъ суффикса. Велѣдствіе тѣхъ же причинъ не подверглась стяженію формы ц.-слав. *мыиѣтъ*, чешско-польскія *myje* и друг., хотя *ы* и *е* въ ц.-славянскомъ, *ы* и *ь* въ чешскомъ и польскомъ языкахъ въ другихъ случаяхъ стягиваются; род. п. ед. ч. *слѣпыѣ* изъ *слѣпы* + *ѣ*, вин. п. мн. ч. *слѣрѣ* изъ *слѣру* + *ѣ*.

Падежная ли форма — форма *слѣтъ*, входящая въ составъ *слѣпою*, *слѣпымъ*, и, еслѣ падежная, то какому именно падежу она принадлежитъ? Думаемъ, что ее можно считать формою им. п. ед. ч. и что въ формахъ *слѣпою*, *слѣпымъ* мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ явленіемъ, которое довольно обычно какъ въ русскомъ, такъ и въ другихъ существующихъ нынѣ славянскихъ языкахъ, и не чуждо и языку церковно-славянскому. Оно состоитъ въ томъ, что если стоятъ рядомъ два (или даже три) склоняемыхъ слова, тѣсно связанныя между собою логически и грамматически, то они могутъ составлять какъ бы одно цѣлое, т. е. при склоненіи можетъ измѣняться по падежамъ только послѣднее изъ нихъ, первое же (или первыя) можетъ оставаться

¹⁾ Въ русскомъ, какъ и въ церк.-слав., сербскомъ и словенскомъ языкахъ, въ древности, при ассимиляціи двухъ гласныхъ, первый изъ нихъ всегда одерживалъ верхъ надъ вторымъ; въ чешскомъ и польскомъ языкахъ наоборотъ — второй звукъ ассимилировалъ съ собою первый. Этимъ объясняется то, что въ *слѣрѣт* (изъ *слѣтъ* + *ѣт*) мы видимъ твердое *ѣ*. — Что касается до формъ *синего* и т. п., то они могли образоваться по образцу *слѣпою*.

въ им. п. ед. ч.: русск. современн.: ждемъ князь *Петръ* Ильича, умиѣ... князь Петра (Грибоѣдовъ), *Нов*—города, *ковыль*—травы, *душа*—красной дѣвицы, *Москва*—рѣки, старинн. князь *Иванова сына*, князь *Федоровы руки* (акты XV—XVII в.), *буй* туру Всеволоду (Слово о п. Иг.); ц.-слав. *Иѣ Хмѣ* (Остромирово Ев.), *Иисусъ* Христоса (Изборн. Святосл. 1073 г.) ¹⁾.

Можно полагать, что форма имен. п. ед. ч. муж. р. очень рано (еще въ праславянскій періодъ) совершенно вытѣспила въ склоненіи членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій тѣ падежныя формы, которыя длиннѣе ея слогомъ; по крайней мѣрѣ формъ, образовавшихся изъ *слъпомъ + имь*, *слъпомъж + ежъ*, *слъпомъ + имъ* и т. д., мы не находимъ ни въ одномъ славянскомъ языкѣ; но падежныя формы, равныя съ нею по числу слоговъ, продолжали существовать еще долгое время; именно, мы находимъ ихъ въ полномъ числѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ, гдѣ они совсѣмъ или почти совсѣмъ вытѣснили соответствующія формы втораго вида; въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, наоборотъ, они очень рано были вытѣснены формами втораго вида и сохранились, какъ показано выше, только въ небольшомъ числѣ.

Если мы правы, думая, что формы *слъного*, *слънымъ* состоятъ изъ им. п. ед. ч. *слънъ* и род. егo, дат. *имъ*, то они сходны по образованію съ греческими формамп *ἐμαυτοῦ*, *σεαυτοῦ*, *ἐαυτοῦ*, *ἐμαυτοῦ*, *σεαυτοῦ*, *ἐαυτοῦ*, *ἐαυτοῦν*, *ἐαυτοῦς*, *ἐαυτοῦς*, состоящими изъ вип. п. ед. ч. мѣстоименій личныхъ и возвратнаго и разныхъ падежей мѣстоименія *αὐτός* ²⁾.

Въ современномъ великорусскомъ (изрѣдка и въ бѣлорусскомъ) нарѣчій, кромѣ обычныхъ формъ именъ прила-

¹⁾ Буслаевъ, Историч. грамматика, II, 238—242; здѣсь приведенъ рядъ прекрасно подобранныхъ примѣровъ.

²⁾ G. Meyer, Griechische Gram., 344.

гательныхъ и мѣстоименій на *ой, омъ, ымъ, ыхъ* мы находимъ рядъ другихъ формъ, которыя можно назвать растяженными: *доброей, доброемъ, добрымъ — доброемъ, добрыхъ—добрыхъ*. Изъ нихъ пменные формы: *доброей, добрыхъ — добрыхъ* употребляются только въ пѣсняхъ, а формы мѣстоименныя *тоей — тойй, одной — однойй, тыихъ — тыихъ* обычны и въ разговорномъ языкѣ.

Формъ, подобныхъ *доброей, добрыхъ* не существовало и не существуетъ ни въ одномъ славянскомъ языкѣ; формы въ родѣ *добрыхъ* употреблялись въ церковно-славянскомъ языкѣ.

Исслѣдователи видятъ въ указанныхъ русскихъ формахъ архаизмы, но, какъ мы полагаемъ, — неосновательно. Въ древне-русскихъ памятникахъ XI—XIV в. мы находимъ формы въ родѣ *добрыхъ*, но только въ тѣхъ, которыя по языку не могутъ быть названы чисто русскими; въ грамотахъ же и актахъ свѣтскаго характера такія формы до такой степени рѣдки, что мы можемъ указать только одну, и то мѣстоименную: князь *тымъ* (род. п.) въ литовской грамотѣ 1264 года ¹⁾, дошедшей до насъ въ копіи XIV вѣка. Уже одно это обстоятельство заставляетъ спльно сомнѣваться въ принадлежности живому древнерусскому языку растяженныхъ формъ; наши сомнѣнія подтверждаются слѣдующимъ: рядомъ съ правильными растяженными формами въ древне-русскихъ памятникахъ встрѣчаются и неправильныя: Минея XI вѣка: *твоимъ пове(ль)нѣмъ* ²⁾; Евгеніева Псалтырь XI вѣка: *нашимъ дѣтьми* ³⁾; Монастырскій уставъ XII вѣка: *инлимъ рѣчми* ⁴⁾; Успенскій Торжественникъ: *очима добраама* ⁵⁾; Юрьевское Евангеліе: *галмлеисцъихъ* ⁶⁾ и т. п. Эти образованія, конечно,

1) Р.-Лив. Акты, 13.

2) Извѣстія, X, 337.

3) Ibid., 478.

4) Ibid., 511.

5) Чтенія, 1870 г., I, 8 об.

6) Амфл охій, Описаніе Юр. Ев., 142.

никогда не существовавшія въ русскомъ языкѣ, какъ не существовали они въ церковно-славянскомъ, и составленныя въ подражаніе ц.-слав. формамъ *добрыихъ* и т. п., показываютъ, что формы *добрыихъ* и др. были неизвѣстны др. русск. писцамъ въ живомъ употребленіи; въ противномъ случаѣ они понимали бы неправильность формъ *нашими*, *галилеисцями* и др. и не стали бы ихъ употреблять. — Формы въ родѣ *доброей* неизвѣстно въ памятникахъ до XIV—XV в.: новгородскій актъ XIV—XV в.: *тоіи* землѣ (дат. п.) ¹⁾, полоцкая грамота 1405 года: (в) *всякоимъ* торговемъ дѣлѣ ²⁾; да и съ этого времени они встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, и то исключительно мѣстоименныя: верхотурскій актъ 1663 года: съ *тоей* (деревни) ³⁾.

Въ виду этого въ русскихъ растяженныхъ формахъ слѣдуетъ видѣть новообразованія.

Когда появились въ употребленіи формы род. п. ед. ч. *той*, *доброй* (съ *j* на концѣ), то формы род. п. *тоь*, *доброь* ассимилировались съ ними въ морфологическомъ отношеніи, усвоивъ себѣ ихъ конечный *j*. Такимъ образомъ явились формы *тоей*, *доброей*, которыя первоначально принадлежали родительному п., а потомъ, такъ какъ *тоіи*, *доброіи*, кромѣ родит. п., означали также дат., тв. и мѣстп. п. ед. ч., — стали употребляться и въ значеніи этихъ падежей. Ими вызвано появленіе формъ *тоемъ*, *доброемъ*.

Формы *тоей*, *доброей*, *тоемъ*, *доброемъ* представляютъ какъ бы выдѣленіе изъ падежныхъ формъ прилагательныхъ и мѣстопменій падежныхъ формъ члена. Это было причиною того, что падежныя формы члена выдѣлялись также въ формахъ *тымъ*, *добрымъ*, *тымъ*, *добрымъ*, и такимъ образомъ явились растяженныя формы *тымъ*, *добрымъ*, *тыихъ*, *добрыихъ*. Эти послѣднія, къ своей очереди, дали начало формамъ *тыемъ*, *добрымъ*, *тыехъ*, *добрыехъ*.

Въ славянскихъ языкахъ форма им. п. имѣетъ силь-

¹⁾ Акты Юрид., 115.

²⁾ Р.-Лив. Акты, 119.

³⁾ Акты, изд. Калачовымъ, II, 569.

ное вліяніе на формы другихъ падежей. Такъ, въ составъ словинск. *dobriga*, *dobrimu*, ново-болг. *добриго*, *добриму* ¹⁾, словацк. *dobrúho*, *dobrúmu* ²⁾ входитъ форма им. п. *добри*, *dobrú*; ц. слав. *глагольщицѣхъ*, *глагольщицѣмъ* образовались изъ *глагольщицѣихъ*, *глагольщицѣимъ* подѣ вліяніемъ им. п. мн. ч. *глагольщицѣи*; формы велико- и бѣло-русскія: *моихъ*, *моимъ* ³⁾ = *моихъ*, *моимъ* (при *моихъ*, *моимъ*) обязаны своимъ происхожденіемъ им. п. мн. ч. *мои*; *однихъ*, *однимъ*, *этихъ*, *этимъ*—им. п. мн. ч. *одни*, *эти* ⁴⁾; бѣлор. *всѣихъ*, *всѣмъ* ⁵⁾ (при *всѣихъ*, *всѣмъ*) произошли благодаря им. п. *вси*. Какъ эти формы явились вслѣдствіе чередованія формъ *глагольщицѣи* и *глагольщицѣи*, *мои* и *мои*, *эти* и *эти*, *вси* и *всѣ*, такъ точно чередованіе формъ *тыи* и *добрыи* съ одной стороны и *тые* (= *тыи*) и *добрые* съ другой вызвало появленіе, рядомъ съ формами *тыихъ*, *добрыихъ*, *тыимъ*, *добрыимъ*, и формъ *тыихъ* (= *тыихъ*), *добрыихъ*, *тыемъ*, *добрыемъ* ⁶⁾. Эти формы множ. ч. вызвали

¹⁾ Подобныя формы существовали уже въ XVII вѣкѣ: въ относящейся къ этому времени болгарской рукописи житій святыхъ мы находимъ: *Златоустиго*, *триклетиго*, *болниму*, *лутыму*. (Ламанскій, Журн. Мпн. Н. Пр., 1869, VI, 359). У Седмиградскихъ болгаръ: *drugimu*. (Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen, 144).

²⁾ Šembera, Zakladové dialectologie, 74.

³⁾ Ситск. изъ *моихъ* опей, *своимъ* рукамъ (Этн. Сб. I, 150, 161) и др. Подобныя формы существуютъ также въ языкахъ польскомъ (Małeckі, Gramatyka hist.-porówn. jęz. p., I, 215) и сербскомъ (Даничић, Историја, 190 и др.).

⁴⁾ Мѣстоименіе *этотъ* состоитъ изъ указательной частицы *о*, родственной съ частицею *о* (въ великор. *в-о-тъ*, *а-в-о-сь*, малор. *о-то*) и мѣстоименія *тотъ*; слѣдовательно, род. и дат. п. мн. ч. долженъ звучать *этѣхъ*, *этѣмъ*. Эти формы впрочемъ употребляются кое-гдѣ на сѣверѣ: пермск. *этѣхъ* дровъ (Перм. Сб., I, 123); *ibid.*: *этѣ* проповѣди, *этѣ* деньги (119, 123).

⁵⁾ Надъ *усими* панами (Зап. Р. Геогр. Общ. V, 94); сравни *ibid.*: *уси* косцы, *уси* трубочки (107, 219).

⁶⁾ Вотъ для примѣра нѣсколько формъ мн. ч. на *ихъ* и *имъ*: ситск. *насъ* *горькіихъ*, въ *чужіихъ* людяхъ, *оцамъ* *яснымъ*

формы тв. п. ед. ч. *тыемъ, добрымъ* ¹⁾, точно такъ же, какъ формы мн. ч. *моехъ* и др. вызвали форму тв. п. ед. ч. *моемъ* ²⁾.

Какъ мы сказали выше, русскія растяженные формы именъ прилагательныхъ въ настоящее время употребляются исключительно въ пѣсняхъ. Причина этого ясна: изъ пѣсни, вслѣдствіе правильности ея размѣра, нельзя выкинуть не только слова, какъ говоритъ наша пословица, но и слога, не замѣнивши его другимъ; поэтому на мѣсто трехсложныхъ формъ *доброль, доброи* (дат.-мѣстн. п.), *доброть, добрымъ* и друг., когда ихъ конечные гласные въ разговорномъ языкѣ перестали звучать, должны были явиться также трехсложныя формы, каковы именно растяженные *доброей, доброемъ, добрымъ* (зъ здѣсь не означаетъ звука). Что послѣднія формы вызваны потребностію сохранить размѣръ пѣсни, это видно изъ того, что тѣ формы, конечные гласные которыхъ въ разговорномъ языкѣ сохраняются до нынѣ, не имѣютъ при себѣ растяженныхъ формъ: при *доброю, доброму, добрую, добрыми, добрыма* (дв. ч.) пѣть *доброю, доброму, добрую, добрыми, добрыма*.— Мѣстоименныя формы род. п. жен. р. па ль во многихъ случаяхъ сохранились и въ разговорномъ языкѣ; поэтому растяженные формы мѣстоименій не составляютъ исключительнаго достоянія пѣсеннаго языка.

Само собою разумѣется, что ц. слав. *добримъ* и т. д. по образованію не имѣютъ ничего общаго съ современнымъ русск. *добримъ*: ъ въ ц. славянской формѣ произошло изъ з, чрезъ ассимиляцію его съ послѣдующимъ и.

Недавно г. Брандтъ коснулся формъ им. п. ед. ч. великорусскихъ членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣсто-

(Этн. Сб., I, 148, 151); нижегор. *провожатыехъ, бережатыехъ*; онежск. *кельямъ низкіемъ* (Кирѣевскій, II, 90; III, 45).

¹⁾ Напримѣръ, ситск. *горемъ великіемъ* (Этн. Сб., I, 161); онежск. *гласомъ громкіемъ, зычнымъ* (Кирѣевскій, III, 40, 60).

²⁾ Напримѣръ, ситск. *своемъ горемъ* (Этн. Сб., I, 161).

именій на *oi* и *ei* и пришелъ къ тому выводу, что эти окончанія восходятъ къ *yi* и *yi* и что *o* есть замѣна *z^{2a}*, *e*—*d^{2a}* 1). Соглашаясь вполне съ его выводомъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторое дополненіе къ его статьѣ.

Въ памятникахъ русскаго языка XI—XVI вѣковъ, писанныхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, жители которыхъ въ настоящее время говорятъ великорусскимъ нарѣчіемъ, им. п. ед. ч. членныхъ имешъ прилагательныхъ и мѣстоименій обыкновенно оканчивается на *yi* и *ii*. Изъ массы формъ съ этими окончаніями мы выпишемъ нѣсколько, замѣтуя ихъ изъ грамотъ новгородскихъ: 1189—1199 г. *нѣмецкыи*, 1294—1304 г. *великыи*, *новгородскыи*, 1373 г. *тыи*, 1392 г. *опришину* 2), и московской: 1392—1425 г. *иныи* 3). Правда, формы на *oi* и *ei* также встрѣчаются въ памятникахъ: Евгеніева Псалтырь XI вѣка: *судьнои*, *велеи*, *Бѣсеи*, *явленси* 4), Толковая Псалтырь XII вѣка: *истиннои*, *нощнои* 5); причѣмъ *oi* встрѣчается очень рѣдко, *ei* — гораздо чаще. Наоборотъ, въ современномъ сѣверно-великорусскомъ нарѣчій окончанія *oi* и *ei* господствуютъ, хотя, быть можетъ, иногда употребляются и окончанія *yi*, *ii*. Въ южно-великорусскомъ нарѣчій, въ словахъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, употребляются только *oi* и *ei*; въ словахъ съ удареніемъ на другихъ слогахъ часто слышатся *yi* и *ii*, но здѣсь *y* и *i*—обычные рефлексы неударяемыхъ *o* и *e*, какъ это можно видѣть изъ твердости гортанныхъ звуковъ: слышится: *сладкый*, *жаркый*, *горькый*, а не *сладкій* и т. д.

Такое разногласіе между древнимъ и современнымъ языкомъ, наши ученые обыкновенно стараются примирить тѣмъ, что предполагаютъ переходъ *y* въ *o* и *i* въ *e* или непосредственно, или, какъ г. Потебня, при посредствѣ

1) Рус. Фил. Вѣстникъ, 1881, II, 353—357.

2) Р.-Лив. Акты, 2, 22, 78, 86.

3) Акты, изд. Калачовымъ, I, 90.

4) Извѣстія, X, 463, 453, 454, 455.

5) Лавровскій, Описаніе семи рукописей, 26.

двогласныхъ *ѣі, ѣі*¹⁾, и, какъ на доказательство, указываютъ между прочимъ на соврем. великор. *мою, моешь* и т. д., *Алексѣй, Сергѣй*, будто бы происшедшія изъ *мыю, мышешь, Алексій, Сергій*. Разсмотримъ прежде всего эти послѣднія слова.

Рядомъ съ *мыю, мышешь* п т. п. въ древнихъ памятникахъ новгородскаго говора мы находимъ и *мю, мьешь*: Минейя XII вѣка: *умю* (*bis*)²⁾, Прологъ XII — XIII в.: *укръется*³⁾, Прологъ 1262 года: *кръеши*⁴⁾, 1-я новгородская лѣтопись по списку XIV вѣка: *кръяшеса*⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ сѣв.-в. русскихъ говорахъ (напримѣръ, въ пермскомъ) употребляются и теперь формы *мыю, мьешь*, предполагающія древнѣйшія *мю, мьешь*, — при *мои, мойте*⁶⁾. Вслѣдствіе этого нѣтъ никакой надобности выводить о въ *мою* изъ *ы*: оно происходитъ изъ древняго *ѣ*, независящаго въ генетическомъ отношеніи отъ *ы*. Корець въ *мою* не *мы*, а *мъ*, тотъ же, который мы находимъ въ существительномъ *вы-мо-лъ* (оврагъ, вымопна), род. п. *вымола, вымла*⁷⁾; отношеніе корней въ *мою* и *мыти*, такъ же, какъ въ *пю* и *птити*, — то же, что въ ц.-слав. *чѣтѣ* и *чѣстити*.

Великорусскія имена собственныя *Алексѣй, Сергѣй*⁸⁾ ведутъ свое начало отъ греч. *Αλέξιος, Σέργιος*, ц.-слав. *Алексіи, Сергійи*, но нѣтъ никакого основанія предполагать между ними русскую ступень *Алексіи, Сергійи*. Эти имена и имъ подобныя въ русскомъ языкѣ, какъ и въ ц. славянскомъ и другихъ славянскихъ, въ им. п. послѣдовали аналогіи членныхъ имель прилагательныхъ (въ польскомъ и чешскомъ яз. они послѣдовали ей даже въ другихъ паде-

1) Отчетъ о 20-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, 805—806.

2) Извѣстія, X, 446, 447.

3) Ibid., VI, 53.

4) Срезневскій, Свѣд. и зам., LXXXVII, 163.

5) Полн. собраніе русск. лѣтоп., III, 27.

6) Пермскій Сборн., I, 42, 51, 72.

7) Напримѣръ, Акты, изд. Калачовымъ, I, 215, 217.

8) Написаніе *ль* здѣсь, конечно, ошибочно.

жахъ: пол. *Antoniego, Antoniemu*, чеш. *Jiřího, Jiřímu*), такъ что *Алексій* (изъ *Алексы*) по формѣ тождественно съ *синей* (изъ *сини*).

И такъ, слова *мою, Алексій* и т. п. не составляютъ доказательства перехода *ы* въ *о*, *и* въ *е* и не могутъ препятствовать считать окончанія *ой* и *ей* происшедшими изъ *ы* и *и*.

Разногласіе между древнимъ и современнымъ языкомъ пужно объяснять иначе, чѣмъ объясняютъ обыкновенно. Въ древнемъ великорусскомъ нарѣчій *ѣ* и *ь* могли не только ассимилироваться съ послѣдующимъ *і* и переходить въ *ы* и *и*, какъ это мы видимъ въ ц.-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, но и сохраняться безъ измѣненія (какъ иногда въ сербскомъ языкѣ: *Юрај, змај, овај* и, можетъ быть, въ чешскомъ *теји* = *мою*). Такимъ образомъ явилось два ряда формъ; въ составъ однихъ входили *ы* и *и*, въ составъ другихъ, древнѣйшихъ, — *ѣ* и *ь*. Вслѣдствіе вліянія ц. славянскаго языка и южно-русскаго нарѣчій, въ которыхъ окончанія *ы* и *и* господствовали ¹⁾, они получили въ литературномъ языкѣ сѣверной Руси почти исключительное употребленіе. Они удержались въ немъ и тогда, когда окончанія *ои* и *еи* въ живомъ употребленіи получили сначала преобладаніе, а потомъ и полное господство, и, благодаря южно-великорусскому произношенію неударяемыхъ *о* и *е*, между прочимъ какъ *ы* и *и*, сохраняются въ письмѣ и по настоящее время ²⁾.

1) Въ малорусскомъ нарѣчій они господствуютъ и донныи въ видѣ *ий*.

2) Надо замѣтить, что въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка (не говоря уже о XVI и XVII) окончанія *ый* и *ий* были далеко не такъ распространены въ письмѣ, какъ теперь.

VII.

3-ье лицо единственнаго и множественнаго чиселъ
настоящаго времени безъ личнаго суффикса.

Всякій, кто прислушивался къ великорусскимъ народнымъ говорамъ, конечно, замѣтилъ, что въ однихъ изъ нихъ чаще, въ другихъ рѣже встрѣчаются формы 3-го лица ед. и мн. ч. настоящаго времени безъ личнаго суффикса 1): *бѣе* и *бѣе* 2), *ходи*, *говори* = бѣтъ, ходитъ, говоритъ; *пою*, *говоря*, *ѣздя* = поютъ, говорятъ, ѣздятъ. Такія же формы находятся во всѣхъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ. Иногда ихъ употребленіе не подведено ни подъ какія правила; иногда, какъ въ украинскомъ говорѣ, отсутствіе личнаго суффикса бываетъ только въ единств. числѣ и то въ томъ лишь случаѣ, когда передъ личнымъ суффиксомъ должно находиться *е*, т. е. въ глаголахъ такъ называемаго 1-го спряженія. Кромѣ личнаго суффикса, въ 3-мъ лицѣ ед. ч. мы замѣчаемъ иногда отсутствіе еще звука *с*, который долженъ находиться передъ личнымъ суффиксомъ: *е*, *нѣ*, *вѣ* = есть, нѣтъ, вѣтъ. Форма *нѣ*, какъ составная часть слова *нѣтъ* 3), употребляется даже въ на-

1) Выраженія: „безъ личнаго суффикса“, „суффиксъ *тъ*“ и т. п. имѣютъ въ виду только 3-ье лицо ед. ч., но мы будемъ употреблять ихъ, для краткости, и тогда, когда рѣчь будетъ идти о 3-мъ лицѣ мн. ч.

2) Формы *бѣе* распространены обыкновенно тамъ, гдѣ употребляются формы *бѣтъ* или *бѣтъ*; формы *бѣе* — тамъ, гдѣ употребляются формы *бѣтъ*.

3) Миклошичъ (Vgl. Gramm., III, 330) объясняетъ рус. *нѣтъ* изъ *нѣту*. Это объясненіе подтверждается древними памятниками русскаго языка, въ которыхъ формы *нѣтъ* не встрѣчается, а форма *нѣту* или *нѣтуть*, напротивъ того, не рѣдкость; ее мы находимъ, напримѣръ, въ повгородской грамотѣ 1257—1263 г.: иное грамоты у насъ *нѣтуть* (Р.-Лив. А., 99), въ Новгородской Кормчей 1282 года: вины ему въ томъ *нѣтуть* (Рус. Достопам., I, 32), *нѣту* бѣды (Калайдовичъ, Пам. р. сл., 185), въ Лаврент. спискѣ лѣтописи: *нѣту* бо ти нужна никоея

шемъ литературномъ языкѣ, вообще не знающемъ формъ 3-го лица безъ личнаго суффикса ¹⁾. Они извѣстны уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка: Остромирово Евангеліе: *напише* (въ послѣсловіи), Архангельское Евангеліе: *въ* ²⁾, Изборникъ Святославовъ 1073 года: *ѣ, бже, су, нарицаѣ, боли, бываѣ, нариче* ³⁾ и друг. Впрочемъ, изъ приведенныхъ формъ нѣкоторыя можно считать церковно-славянскими, такъ какъ подобныя имъ попадаются и въ такихъ ц.-слав. памятникахъ, какъ Зографское Евангеліе: *достои*, Ассеманіево Ев.: *сѣде, е, втруж*, Супрасльская рукопись: *ослушаѣ, подобаѣ, сж* ⁴⁾. Въ ново-болгарскомъ, сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ, польскомъ и лужицкихъ языкахъ формы безъ личнаго суффикса настолько распространены, что формы съ личнымъ суффиксомъ въ нихъ или очень рѣдки, или вовсе не существуютъ.

На основаніи сказаннаго надо думать, что формы 3-го лица настоящего времени безъ *тъ* восходятъ къ праславянскому періоду.

Обыкновенно ихъ объясняютъ изъ формъ, нѣкогда имѣвшихъ суффиксъ *тъ* или *тъ*, по послѣдствіи его утратившихъ ⁵⁾. Съ этимъ объясненіемъ нельзя согласиться, потому что если бы отпаденіе въ указанныхъ формахъ *тъ* или *тъ* было фонетическимъ явленіемъ, то оно распро-

(Пов. вр. лѣтъ, 159). Словацкое *nieto* (Slovenské Spěvu, 9, 25) можетъ породить нѣкоторыя сомнѣнія относительно значенія окончанія *ту*, по несомнѣнно, что *ntь* = *пѣсть*. Во всякомъ случаѣ нельзя объяснять *ntь* изъ *ntь*, какъ это дѣлаютъ гг. Буславевъ (Ист. Гр., I, 194) и Колосовъ (Очеркъ, ист. зв. 89).

¹⁾ Въ старинномъ литературномъ языкѣ употреблялись еще формы *буде* (=если) и *де* (собственно *дѣ*, изъ *дѣе*); послѣдняя впрочемъ употребляется и до сихъ поръ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

²⁾ Амѣлохій, Описаніе Ев. 1092 г., 24.

³⁾ Изборникъ Св., 4, 4 об., 6, 8, 11.

⁴⁾ Miklosich, Vgl. Gram., III, 63.

⁵⁾ Miklosich, *ibid.*; Потебня, Два изслѣдованія, 70; Колосовъ, Обзоръ, 245, и другіе.

странилось бы и на такія существительныя, какъ *сльть*, *печать*, *пжть*, или какъ *котъ*, *рѣтъ*, и мы имѣли бы слова *сль*, *печд*, *пж*, или *ко*, *рѣ*, род. п. *сльти* и т. д. (сравни: *дитд*, род. п. *дитд-те*; *слово*, род. п. *слове-се*), но такихъ словъ мы не имѣемъ. Сверхъ того, все славянскіе языки даже въ настоящее время не отличаются способностью безслѣдно утрачивать цѣлые слоги; въ праславянскій же періодъ, когда *ь* и *ѣ* были еще звуками, — можно сказать навѣрное — они ею не обладали.

Недавно было высказано мнѣніе такого рода: въ праславянскомъ языкѣ были въ употребленіи два суффикса *ть* и *тъ*, изъ которыхъ *тъ* былъ отождествляемъ съ указательнымъ мѣстоименіемъ *тъ*; церк.-славянскій языкъ изъ этихъ двухъ суффиксовъ или удержалъ только второй, или удержалъ оба ¹⁾, но далъ перевѣсъ второму; русскій языкъ сохранилъ донынѣ рефлексъ обоихъ суффиксовъ, въ прочихъ же языкахъ сначала *ть* вышло изъ употребленія и осталось только *тъ*, а впоследствии замѣтили, что пользоваться въ 3-мъ лицѣ суффиксомъ *тъ*, или, что то же, — указательнымъ мѣстоименіемъ совершенно излишне, такъ какъ формы *бжде*, *несе* и безъ того достаточно отличены отъ другихъ лицъ; и поэтому стали опускать *тъ* ²⁾.

Это мнѣніе основано на томъ предположеніи, что суффиксъ *тъ* когда-то отождествлялся по значенію съ указательнымъ мѣстоименіемъ *тъ*. Но если бы такое отождествленіе дѣйствительно было, то формы на *тъ* употреблялись бы въ церковно-славянскомъ языкѣ только при подлежащихъ муж. р. ед. ч.; при всѣхъ же другихъ подлежащихъ явились бы суффиксы, тождественные по звукамъ съ соотвѣтствующими подлежащимъ формами указательнаго мѣстоименія; такимъ образомъ мы находили бы формы 3-го лица: ед. ч. она *идета*, оно *идето*; мн. ч. они *идети*, оны *идеты*, она *идета*, вполне соотвѣтствующія формамъ 3-го

¹⁾ Последнее мы считаемъ несомнѣннымъ въ виду существованія въ ц.-слав. памятникахъ и формъ на *тъ*.

²⁾ Брандтъ, Рус. Фил. Вѣстн., 1881, I, 176.

лица двойств. ч. она *идета*, онѣ *идеть* (такъ они употребляются между прочимъ въ Болонской Псалтыри, гдѣ 3-е лицо ед. и мн. ч. всегда оканчивается на *тъ*), въ которыхъ осмысленіе личныхъ суффиксовъ не подлежитъ сомнѣнію. Но такихъ формъ и съ такимъ согласованіемъ мы не встрѣчаемъ ни въ церковно-славянскомъ, ни въ другомъ какомъ славянскомъ языкѣ. Правда, можно указать, напримѣръ, на *лежито-сь* въ Ассеманіевомъ Евангеліи, *отидето* (что ся дѣтѣ по вѣрьменемъ, то *одето* по вѣрьменемъ) въ Смоленской Грамотѣ 1229 года ¹⁾, *достойто* въ Златой Матицѣ по списку XV вѣка ²⁾, современн. ситск. *идзѣто*, *дакто* ³⁾, но *лежито* имѣетъ при себѣ подлежащее муж. р. и о здѣсь очевидно такого же происхожденія, какъ въ *народо-сь*, *рабо-тъ*, *иноплеменнико-с* и друг., встрѣчаемая въ томъ же памятникѣ; при *отидето* находится *берыо*, *миро* (= берегъ, миръ); *достойто* употреблено безлично; ситскія формы сочиняются съ подлежащими всѣхъ родовъ и въ нихъ вполне возможно объяснить о изъ *ѣ* (сравни ситск. Богъ *дало*).

Г. Брандтъ отчасти предвидѣлъ наше возраженіе. Онъ допускаетъ, что суффиксъ *тъ*, хотя и появился въ формахъ множ. ч. весьма давно, однако уже въ то время, когда самостоятельное мѣстоименіе *тъ* вышло изъ употребленія, и что переходъ суффикса *тъ* изъ единственнаго числа во множественное былъ совершенно механическимъ. Но съ этимъ мы не можемъ согласиться. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что мѣстоименіе *тъ* употреблялось въ церковно-славянскомъ языкѣ самостоятельно, какъ это можно видѣть изъ любого ц.-слав. памятника; такъ, напримѣръ, въ Саввиной книгѣ мы читаемъ: *тъ болѣзни наша приидтъ* ⁴⁾, и тамъ же мы находимъ постоянно *идеть*, *иджтъ*. Такимъ образомъ наше возраженіе остается въ полной

¹⁾ Собрание гос. гр., II, 1.

²⁾ Буслаевъ, Истор. Хрестоматія, 691.

³⁾ Этнограф. Сборн., I, 71.

⁴⁾ Срезневскій, Памятники юсоваго писма, 14.

силѣ, тѣмъ болѣе, что г. Брандтъ отвѣтилъ только на часть его.

Наше мнѣніе о формахъ 3-го лица настоящаго времени безъ личнаго суффикса состоитъ въ слѣдующемъ.

Извѣстно, что въ индо-европейскомъ праязыкѣ существовало два рода личныхъ суффиксовъ дѣйствительнаго залога: одни, первичные, или примарные (mi, si, ti, nti), употреблялись для образованія формъ такъ называемыхъ главныхъ временъ, другіе, вторичные, или секундарные (m, s, t, nt), — для образованія формъ временъ историческихъ. Въ древне-индійскомъ языкѣ эти личные суффиксы употребляются правильно, но въ другихъ языкахъ мы нерѣдко находимъ ихъ въ смѣшеніи. Такъ, формы наст. вр. изъявит. наклон. греч. ἔχεις, ἔχει, лат. vehis, vehit, vehunt, др. прусск. ast, eit, dâst, литовск. eit, dūst и т. п. имѣютъ вторичные суффиксы. Такое же смѣшеніе личныхъ суффиксовъ мы замѣчаемъ и въ славянскомъ языкѣ. Имъ мы объясняемъ древне-русскія формы 3-го лица ед. ч. сигматическаго аориста *бысть, дастъ, псть*, восходящія навѣрное къ праславянскому періоду, въ которыхъ *s* не что иное, какъ суффиксъ аориста, а *ть* — первичный личный суффиксъ ¹⁾. Имъ мы объясняемъ и *ть* формы 3-го лица наст. вр., которыя не имѣютъ личнаго суффикса: они произошли изъ формъ, въ которыхъ первичный суффиксъ, восходящій къ п.-евр. *tî*, въ очень давнее время былъ замѣненъ вторичнымъ суффиксовъ, восходящимъ къ п.-евр. *t* и еще въ праславянскій періодъ отпавшимъ въ настоящемъ времени, точно такъ же, какъ отпалъ онъ въ аористѣ и повелительномъ (=желательномъ) наклоненіи. Вмѣстѣ съ нимъ, конечно, отпалъ и согласный, который передъ нимъ находился. Такимъ образомъ наши *e, бере, беру* представляютъ образованія тождественныя съ лат. *est, fert, ferunt*.

¹⁾ Сравни Kuhn's Beiträge, VI, 185; Leskien, Handbuch d. altbulgar. Sprache, 67.

VIII.

2-ое лицо единственнаго числа настоящаго времени.

Въ настоящее время въ русскомъ языкѣ употребляются три различныя формы 2-го лица ед. ч. настоящаго времени: 1) на *сь*, 2) на *шь* и 3) на *си*.

Формъ на *сь* извѣстна только одна: малорусск. *jesь* (=еси). Она встрѣчается въ памятникахъ, начиная съ XIV — XV вѣка; именно, мы читаемъ въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи: рекль ми *есь* былъ, *есь* поставиль, *есь* далъ, *есь* хотѣль ¹⁾; въ Пересопницкомъ Евангелии 1561 года: *есь* не вѣрилъ, *есь* чинилъ ²⁾. Та же форма существуетъ въ польскомъ языкѣ: *jes* (въ кашебскомъ—*jes*) и существовала въ полабскомъ: *jis* ³⁾. Подобныя ей мы находимъ въ Фрейзингенской рукописи: *vuez* (=вльсь) ⁴⁾; въ кievскомъ глаголическомъ Миссалѣ: молимъ.... да вѣчнаѣ твоѣ *подась* намъ ⁵⁾; въ современныхъ языкахъ ниже-лужицкомъ: *vés* и кашебскомъ *vies, jés* (ц.-слав. *ьси*) ⁶⁾.

Эти формы, принадлежащія глаголамъ съ основою на согласный звукъ, находятся въ ближайшемъ родствѣ съ формами на *шь*, употребляющимися отъ глаголовъ съ основою на гласный. Последнія встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ съ XIII вѣка: въ новгородской Кормчей 1282 года: *умрешь* ⁷⁾, въ рижской грамотѣ около 1300 года: *вѣдаешь, слышьшь, дѣешь, купишь, емлешь* ⁸⁾, въ новгородской грамотѣ 1307—1308 г.: *будешь*, въ московскомъ ак-

1) Лѣтопись по Ип. списку, 594, 601, 611.

2) Житецкій, Описание Пересопницкой рукописи XVI в., 26, 32.

3) Schleicher, Laut- u. Formenl. d. polab. Spr. 295.

4) Востоковъ, Филологическія Наблюденія, указатель.

5) Срезневскій, Св. и Зам., LXXVII, 532.

6) Гильфердингъ, Остатки славянъ, 88.

7) Калайдовичъ, Памятники, 103.

8) Извѣстія Ак. Н., X, 633—636.

тъ 1328 года: *будешь* ¹⁾, въ Пятикнижii Моисеевомъ по списку XIV вѣка: *приведешь, створишь, будешь* ²⁾. Въ болѣе позднихъ памятникахъ формы на *шь* употребляются очень часто. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то эти формы извѣстны въ древнѣйшихъ памятникахъ языковъ сербскаго, словинскаго, чешскаго, польскаго и лужицкихъ; ихъ мы находимъ и въ Фрейзингенской рукописи: *vzovues, zadenes, prides* (= *взовешь, задънешь, придешь*) ³⁾.

Обыкновенно формы на *сь* и *шь* считаютъ происшедшими изъ формъ на *си* и *ши* чрезъ отпаденiе *и*, но это мнѣнiе совершенно ни на чемъ не основано. Суффиксы *сь* и *шь* восходятъ къ индо-европ. первичному суффиксу дѣйствительнаго залога *si*; въ глагольныхъ основахъ на согласный в этого суффикса, по правилу, сохранилось, въ глагольныхъ же основахъ на гласный оно перешло сперва въ *х* и затѣмъ въ *ш*.

Суффиксъ *си* сохранился во всемъ русскомъ языкѣ только въ одной формѣ *еси*; въ разныхъ говорахъ велико-, бѣло- и мало-русскихъ перѣдки также формы *даси* (*даси́*) и *лси* (украинск. *иси*). Всѣ эти формы (и еще *вѣси*) употребительны въ церковно-славянскомъ языкѣ. Сербскiй и словинскiй языки знаютъ форму *јеси* (*си*), чешскiй — *јси* (*си*), лужицкiе — *си*. Въ русскомъ языкѣ, кромѣ глаголовъ съ основою на согласный, съ суффиксомъ *си* образовывались и образуются формы и отъ глаголовъ съ основою на гласный: въ Златоструѣ XII вѣка: *желаеси* ⁴⁾; въ Евангелiи 1409 года: *чюеси* ⁵⁾; къ нимъ восходитъ и форма *можесь* (*можесь* ся с нимъ бороти) въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи ⁶⁾: здѣсь *ь* явилось вмѣсто *и* подъ влiянiемъ формъ

1) Собрание гос. гр., I, 14, 33, 35.

2) Срезневскiй, Свѣдѣнiя и замѣтки, ХСI, 24.

3) Востоковъ, Фил. Наблюд., указатель.

4) Срезневскiй, Свѣдѣнiя и замѣтки, ХХIII, 31.

5) Буслаевъ, Материалы, 42.

6) Лѣтопись по Ип. сп., 84. Не знаемъ, слѣдуетъ ли присоединить къ этимъ примѣрамъ формы *чаеси, желаеси*, кото-

на *шь*; въ современномъ малорусскомъ нарѣчїи (Переяславск. у., Полтавск. губ.): *зорвеси* (= сорвешь) ¹⁾.

Кромѣ того, въ древне-русскихъ памятникахъ постоянно встрѣчаются формы 2-го лица на *ши*, но лишь въ тѣхъ, въ языкѣ которыхъ чувствуется болѣе или менѣе сильно церковно-славянскій элементъ; въ древнихъ же грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера ихъ намъ не встрѣтилось ни одной. Въ современномъ русскомъ языкѣ ихъ не существуетъ, точно такъ же, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Въ древности формы на *ши* употреблялись, кромѣ русскаго, въ церковно-славянскомъ и средне-болгарскомъ языкахъ, а также въ сербскомъ, въ тѣхъ его памятникахъ, которые находятся въ той или другой зависимости отъ церковно-славянскихъ. Вслѣдствіе этого можно думать, что формы на *ши* не были никогда въ живомъ употребленіи ни въ русскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ церковно-славянскаго, и представляютъ собою спеціально церковно-славянскія образованія, происшедшія изъ формъ на *си* (въ родѣ *живеси*) подъ вліяніемъ формъ на *шь* (*живешь*) и потомъ вытѣснившія эти послѣднія изъ употребленія; сравни русскую областную (Княгининск. у., Нижегородск. губ.) форму *ешш* (ой ты гой *ешш*) ²⁾, которая произошла изъ *еси* подъ вліяніемъ формъ на *шь*.

О суффиксѣ *си* существуютъ въ наукѣ два мнѣнія; по одному, котораго держится, между прочими, Миклошичъ ³⁾, этотъ суффиксъ есть рефлексъ индо-европ. суффикса *si*; по другому, высказанному впервые Юг. Шмидтомъ ⁴⁾, онъ есть рефлексъ индо-европ. медиальнаго суф-

¹⁾ Труды Этн.-стат. Экспед., II, 139.

²⁾ Якушкинъ, Пѣсни, 50 (отд. отт. изъ Лѣтоп. русск. лит. и др.). Формъ въ родѣ вышеприведенной *ешш* въ ц.-слав. языкѣ не образовалось потому, что при формѣ *ѣси* никогда не существовало формы *ѣшь*, какъ при *живеси* существовала форма *живешь*.

³⁾ Vgl. Grammatik, III, 64.

⁴⁾ Zur Geschichte, I, 13.

фикса *sai* (др. инд. *sai*, греч. *σαι*, др. прусск. *sai*, *sei*, *se*), и славянскія формы вполнѣ соотвѣтствуютъ древне-прусскимъ: *еси*—др. прусск. *assai*, *assei*, *asse*, *живеси*—др. пр. *giwassai*. Что касается до перваго мнѣнія, то оно не имѣетъ за себя никакихъ сколько-нибудь вѣскихъ данныхъ: индо-европ. *i* въ славянскомъ языкѣ постоянно рефлексировается въ *и*^н; поэтому мы должны остановиться на мнѣніи Шмидта.

Шмидтъ не привелъ никакихъ фактовъ въ доказательство своего мнѣнія; но мы имѣемъ нѣсколько данныхъ, указывающихъ на существованіе въ славянскомъ языкѣ вообще и въ русскомъ въ частности медиальныхъ формъ.

Въ 1-мъ лицѣ ед. ч. настоящего времени, рядомъ съ суффиксомъ *мь* (*есмь*, *дамь*, откуда *есмъ*, *дамъ*), въ древне-русскомъ языкѣ существовалъ другой суффиксъ — *ми*, именно въ формѣ *есми*, которую мы встрѣчаемъ между прочимъ въ Успенскомъ Торжественникѣ XII вѣка ¹⁾ и въ грамотѣ Полоцкаго князя Изяслава въ Ригу конца XIII вѣка ²⁾; въ памятникахъ XIV—XVII вѣковъ она встрѣчается безпрестанно, какъ въ сѣверно-, такъ и въ южно-русскихъ. Изъ нерусскихъ источниковъ она извѣстна только въ сербскомъ Патерикѣ XIV вѣка ³⁾. Суффиксъ *ми* не можетъ быть объясняемъ изъ индо-евр. активнаго суффикса *mi*; онъ можетъ восходить только къ индо-евр. первичному суффиксу 1-го лица ед. ч. средняго залога *mai* (др. инд. *mai*, греч. *μαι*, др. прусск. *mai*), и форма *есми* вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-прусской *asmai* (сравни гр. *ἔσομαι*).

Въ числѣ формъ 3-го лица ед. и множ. ч. существуютъ между прочимъ формы на *ти* ⁴⁾. Въ живомъ употре-

¹⁾ Чтенія, 1879, I (Житіе Θεод. Печ.).

²⁾ Рус.-Ливонскіе Акты, 13.

³⁾ Miklosich, Vgl. Gr., III, 63.

⁴⁾ Древне-русск. формы въ родѣ *ведети и*, *ведути и* сюда не относятся: здѣсь *и* образовалось изъ *ь* чрезъ ассимиляцію съ послѣдующимъ *и*.

бленіи находится лишь форма *ести* (ситское *есци* ¹⁾ и чешское *jesti-t*); въ древнихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ: въ Клоцѣвомъ глаголитѣ: *сати* (къде хоштеши, *сати*, уготоваемъ) ²⁾; въ сербскомъ Никольскомъ Евангеліи XIII вѣка: *мнети се, примути ме* ³⁾; въ южно-русскихъ отрывкахъ XII—XIII в.: *слышити* (ими уши слышати, да *слышити*), *зовути* (слугы зовути, сами же...) ⁴⁾; въ Златой цѣпи XIV вѣка: *ходити* (аще ли рабъ... *ходити*, то) ⁵⁾. Суффиксъ *ти* есть рефлексъ индо-евр. первичнаго суффикса средняго залога *tai* (др. инд. *taí*, греч. *ται*) и форма *ести* въ звуковомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ греческой *ἔσται*, хотя отлична отъ нея по происхожденію.

Къ числу медіальныхъ образованій могутъ принадлежать ц.-слав. формы 3-го л. ед. и мн. ч. на *тъ*: *ведеть, веджтъ, въздтъ*, а также чешск. и польск. *jest* ⁶⁾. О производствѣ ихъ пзъ формъ на *тъ* нечего и думать; *тъ* можетъ быть объясняемо, какъ рефлексъ индо-европ. вторичнаго суффикса средняго залога *ta* (др. инд. *ta*, греч. *το*); сравни указанная выше русскія формы 3-го лица наст. вр.

рыя мы находимъ въ припискахъ въ новгородской Псалтыри XIV вѣка (Срезневскій, Св. и Зам., XXXIV, 36—37): въ этомъ памятникѣ, при формахъ *жадаеши, хощеши, мыслиши* имѣется и форма *поснеси* (вмѣсто *поспѣши*).

¹⁾ Этногр. Сборн., I, 143.

²⁾ Kopitar, Glagolita Clozianus, 7—8.

³⁾ Miklosich, Vgl. Gr., III, 64.

⁴⁾ Кочубинскій, Записки Новороссійскаго Университета, XVIII, 9, 4.

⁵⁾ Буслаевъ, Историч. Хрестоматія, 480.

⁶⁾ Сербско-словинское *jest* можетъ восходить къ древнѣйшему *ѣсть*, какъ показываетъ существующее рядомъ съ *jest* — *jeste* (*e* сохранилось подъ вліяніемъ ударенія; сравн. сѣв.-в. рус. *естѣ* и греч. *εστί*). Въ сербской Кормчей 1262 года встрѣчаются формы: *скончаете се льсть, самъ себе удивите, та умръте*, гдѣ *e*, очевидно изъ *ь*. Тамъ же: *срамныи прибытько, пе би хотъло гъ, въстоко, о свѣщенныхо смудѣхъ, въ неме, бывъ свитилеле* (Starine, VI, 72—73).

веде, веду, восходящія къ формамъ съ вторичнымъ суффиксомъ дѣйствит. залога.

Наконецъ, можно считать медиальными образованиями современныя формы 2-го лица мн. ч. изъявительнаго и повелительнаго наклоненій: великор. *естѣ* (не *естѣ*), сѣв.-в.-русск. *пойдетѣ, лежитѣ, спитѣ* ¹⁾, при *хотитѣ, спитѣ*. Такъ какъ конечное *e* подъ удареніемъ въ великорусскомъ нарѣчій всегда звучитъ какъ *ѣ*, то необходимо предположить, что современныя *естѣ* и друг. восходятъ къ праслав. *estъ*; на это указываютъ также формы: соврем. малорусск. (подольск.) *jedъtje, brjedъtje* ²⁾, соврем. моравск. *viditě, ramatujtě* ³⁾ и др. русск.: *изберетъ* въ 1-й Новгородской лѣтописи ⁴⁾ и друг., *кормити* (челядь свою *кормити*... одѣвайте), *щадити* (лозы не *щадити*) въ Златой цѣпи XIV вѣка ⁵⁾, *ислети* въ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV в. ⁶⁾. Замѣтимъ: 1) что въ подольскомъ говорѣ и въ моравскомъ языкѣ *ь* рефлексируется мягкимъ *e*; 2) что др. русскіе памятники, изъ которыхъ взяты нами формы на *и*, писаны, вѣроятно, въ новгородской области, и 3) что въ древне-прусскомъ языкѣ существовали формы 2-го лица мн. ч. на *taī*: *astai*. Последнія Бругманъ считаетъ специально прусскими новообразованиями ⁷⁾, но, по нашему мнѣнію,—безъ достаточныхъ оснований. — И такъ:

1) Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXVIII, 14, 67, 74.

2) Рус. Филол. Вѣстникъ, 1881, II, 253.

3) Sušil, Moravské nář. p., 10.

4) Полное собраніе рус. лѣтописей, III, 75.

5) Буслаевъ, Истор. Хрест., 480.

6) Извѣстія Ак. Н., X, 656.

7) Osthoff u. Brugman, Morphologische Untersuchungen, I, 154. Укажемъ кстаті слѣдующія древне-русскія формы 1-го лица мн. ч. повелит. накл.: *проливаемъ* въ 1-й Новгородской лѣтописи (П. с. р. лѣт., III, 34), и *пѣими* въ Златой цѣпи XIV в. (Буслаевъ, Ист. X., 498). Сравн. др. прусск. 1 л. мн. ч. *astai*. Впрочемъ намъ кажется, что приведенныя русскія формы—не болѣе, какъ описки.

- 1) Медиальные формы въ славянскомъ языкѣ существуютъ и вопросомъ можетъ быть только ихъ количество;
- 2) Формы 2-го лица ед. ч. настоящ. вр. на *си* имѣютъ полное право занять мѣсто среди медиальныхъ формъ.

IX.

1-ое лицо множественнаго числа настоящаго времени на *мя*.

Въ памятникахъ русскаго языка, писанныхъ въ сѣверной и средней Руси, существительный глаголь имѣетъ между прочимъ форму 1-го лица мн. ч. настоящ. времени *есмя* (вѣроятно, *есмя*). Древнѣйшій памятникъ, въ которомъ мы ее нашли, — Двинская рядная XIV вѣка; въ ней мы читаемъ: *есмя* невиноваты ¹⁾. Въ болѣе позднихъ памятникахъ, XV—XVII вѣковъ, эта форма весьма обыкновенна. Въ настоящее время она, какъ и другія формы 1-го лица мн. ч. существительнаго глагола, уже вышла изъ употребленія.

Ученые почти не касались ея, только г. Потербня сказалъ о ней нѣсколько словъ и призналъ ее происшедшей изъ *есме*, какъ *естя* произошло изъ *есте* ²⁾. Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что перехода *e* въ *я* въ русскомъ языкѣ не существовало и не существуетъ; другихъ формъ, изъ которыхъ форма *есмя* могла бы заимствовать свой конечный звукъ, мы не знаемъ, и потому должны отвергнуть объясненіе г. Потербни. Такъ какъ *я* въ *есмя* не можетъ восходить къ праславянскому *ja* (тогда было бы не *есмя*, но *есмля*), то праславянскій видъ этой формы долженъ быть **есма*.

Полагаютъ, что въ индо-европейскомъ праязыкѣ, кромѣ другихъ суффиксовъ, 1-ое лицо мн. ч. имѣло также

¹⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам. XXIX, 79.

²⁾ Замѣтки о малор. нарѣчій, 18.

и суффиксъ *там* ¹⁾. Должно ли его причислять къ первичнымъ, или ко вторичнымъ суффиксамъ, это — вопросъ, котораго намъ нѣтъ надобности касаться. Довольно замѣтить, что *a* въ немъ приближалось къ *e* и что его достоверные рефлексы употребляются въ языкахъ греческомъ *ἐσμεν*, и древне-ирскомъ: *ammi(n)*. Къ ихъ числу принадлежитъ и *ма* въ русской формѣ *есмя*.

Какъ мы видѣли, г. Потемня съ формою *есмя* сопоставляетъ форму *естя*. Дѣйствительно, эта форма существуетъ и употребляется до сихъ поръ въ разныхъ говорахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія (кое-гдѣ она означаетъ даже 3-ье лицо ед. ч.); по памятникамъ мы ее знаемъ съ XVI вѣка: въ грамотѣ 1539 года: били *естя* челомъ, *стя* писали, *естя* имали ²⁾. Она находится въ тѣсной связи съ формою *есмя*, но гораздо моложе ея: *естя* — повооброзование, явившееся изъ *есте* (или *есть*?) подъ вліяніемъ и по образцу *есмя*.

Въ бѣло- и малорусскомъ нарѣчїяхъ формъ *есмя* и *естя* и имъ подобныхъ мы не знаемъ. Они неизвѣстны также и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

¹⁾ Osthoff u. Brugman, Morphol. Untersuchungen, I, 151 слѣд.

²⁾ Акты Археогр. Эксп., I, 163—164.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Родительный п. ед. ч., имен. и винит. мн. ч. на <i>ль</i> .	1
II. Именит. и винит. п. ед. ч. муж. р. на <i>е</i> .	40
III. Дательный п творит. п. мн. ч. на <i>мл</i> .	49
IV. Дательн., твор. и мѣстн. п. ед. ч. именъ съ осно- вою на <i>п</i> .	55
V. Родит. и винит., дат. и мѣстн. п. ед. ч. мѣстоиме- ній личных и возвратнаго.	59
VI. Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣ- стоименій	64
VII. 3-е лицо ед. и мн. ч. наст. вр. безъ личного суф- фикса.	79
VIII. 2-е лицо ед. ч. настоящаго времени	84
IX. 1-е лицо мн. ч. наст. вр. на <i>мя</i> .	90

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:	
1	13	спизу	ја	ја (муж. р.)
2	11	сверху	как кѣ	какѣ въ
—	19	—	мѣцѣ	мѣцѣ
3	19	—	тое пагубное	тоѣ пагубноѣ
5	3	—	вечерь,	вечерь
—	5	—	чаиѣ	чаиѣ,
—	18	—	земле,	земле
6	4	—	все	всѣ
—	18	—	дѣтныиы	дѣтныскыиы
—	6	снизу	XII	VII
8	4	сверху	руское земли	рускоѣ земли
9	15	—	каратьѣ	харатьѣ
—	16	—	лодѣ	лодѣѣ
10	6	—	Олексевои	Олестевои
—	18	—	основы на ја	основы на а, ја
—	23	—	Ирмолой	вин. п. мн. ч.: Ирмолой
—	26	—	талици кы	талицикыи
—	2	снизу	133	633
11	5	сверху	аиѣлы	аиѣлы
12	8	снизу	42.	42, 152
13	15	сверху	на ви	на виѣ, виѣ
14	19	—	кѣ	кѣѣ
—	22	—	тваѣ	тваѣѣ
—	5	снизу	261	223
16	7	—	большомѣ	большемѣ
—	13	—	въ незначительной части	въ незначительномѣ числѣ
18	9	—	материѣ, кровѣѣ	материѣѣ, кровѣѣѣ
—	14	—	основною	основою
19	12	сверху	замѣчаетѣ	замѣтилѣ
—	18	—	въ томѣ смыслѣ	въ томѣ же смыслѣ:
20	14	—	кѣ	кѣ,
—	15	—	зѣля	зѣля
—	16	—	Пандекта	Пандекты
21	3	снизу	вѣка;	вѣка,

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:	
22	4	сверху	описаны	писаны
—	7	—	τῆς σαββάτων	τῆς μᾶς σαββάτων
—	9	—	Василисы	Васились
—	20	—	въз...	възвесели
23	12	—	современнымъ	современнаго
—	10	снизу	двухъ	тѣхъ
—	14	—	уже	же
24	16	сверху	древне-русскія	древне-русскія формы
25	1	—	dzenice	dzeuice
27	9	снизу	ли	ми
—	10	—	тжцль,	тжцль
28	3	сверху	сыжды	съсжды
—	9	—	льмѣмъ	ль ^{тема} мъ
—	10	—	Клодіева	Клодіевъ
—	20	—	сирА	сирА ^а
30	7	снизу	εματίου	ἰματίου
31	13	сверху	Махайловъ	Михайловъ
32	15	—	Черниговскѣе, рѣкѣ	Черниговскѣе, рѣкѣ
—	2	снизу	Матеріалы.	Матеріалы, 41.
34	7	—	69	99
38	14	—	дни;	дни
—	3	—	I, 4, 159	I, 159 (4 ое изд.).
39	2	сверху	во <i>ові</i>	овсі
45	3	снизу	такъ какъ я здѣсь	такъ какъ здѣсь
50	19	сверху	казъ	какъ
62	8	снизу	са	ся
79	2	—	бѣды	виры
83	9	—	суффиксовъ	суффиксомъ
88	2	—	сыудѣхъ	сьсудѣхъ

Кромѣ того окончаніе 6-го примѣчанія на страницѣ 85 ошибочно напечатано на стр. 88.